

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И.Ф. Нильский

**Семейная жизнь в русском расколе в
царствование Императора Николая I**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 6. С. 834-915.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (*).

Въ самомъ началѣ 1826 года полученъ былъ губернскими властями циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: „въ маѣ 1825 года пермскій гражданскій губернаторъ доносъ министерству внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи уголовной палаты, состоявшемъ по дѣлу совершиенныхъ между тамошними старообрядцами бракахъ... неизвѣстными попами. Комитетъ гг. министровъ, въ который внесено было по сему предмету представление, усматривая изъ онаго, что всѣ прикосновенные къ дѣлу сему люди состоять издавна въ старообрядчествѣ, и имѣя въ виду, что какъ въ пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится таковыхъ старообрядцевъ весьма значительное число, и всѣ они совершаютъ браки... по своимъ обрядамъ, находилъ, что мѣстнымъ начальствамъ не должно входить

(*) Статья эта, имѣя особое заглавіе, находится въ испосредственной связи съ прежде напечатанными вами въ Хр. Чтеніи статьями (1866 г. ч. I, стр. 501—570; ч. II, стр. 211—264, 409—465, 761—801; 1867 г. ч. I, стр. 523—572, 920—988; ч. II, стр. 96—1026) и составляетъ ихъ продолженіе.

ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ,— ибо отъ сего могутъ произойти большія беспокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не сворачали въ свой расколъ. Таковое мнѣніе комитета гг. министровъ, изъясненное въ положеніи онаго, состоявшемся 7 октября 1825 года, удостоено 9 января 1826 года Высочайшаго утвержденія⁽¹⁾.

Чтобы понять надлежащимъ образомъ все значеніе этого законодательного акта въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету, необходимо припомнить ту страшную путаницу, какая существовала въ нашемъ законодательствѣ относительно раскольничихъ браковъ—со времени Петра Великаго, впервые обратившаго свой орлиный взоръ на этотъ предметъ, и до самаго царствованія Императора Николая Павловича.

Извѣстно, что преобразователь Россіи, ни въ какомъ случаѣ не упуская изъ виду государственныхъ доходовъ, не ограничивалъ „двойнымъ окладомъ“, положеннымъ на раскольниковъ, обложилъ еще „особливымъ сборомъ, и именно рубля по три съ человѣка мужеска и женска полу, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“, — тѣхъ изъ заблуждающихъ, которые пожелали бы „жениться тайно не у церкви, безъ вѣнчальныхъ памятей“⁽²⁾. Такимъ распоряженіемъ власти, очевидно, давалось раскольникамъ полное право заключать свои браки, какъ кому вздумается; поповцы могли вѣнчаться у своихъ бѣглыхъ поповъ, безпоповцы имѣли право, если бы пожелали, вступать въ союзъ съ избранными ими женщинами—по благословенію своихъ наставниковъ—„большаковъ“, или просто—по-

(1) Собр. постан. по части раск. 1858 г. стр. 93—4.

(2) Полн. собр. зак. т. V, № 3340.

взаимному согласию между собою. Ни власть свѣтская, ни власть духовная, въ силу вышеприведенного указа, не имѣли ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ это дѣло, лишь бы только раскольники исправно вносили въ казну за свои вѣнцы церковныя вѣнчанія трехъ—рублевый сборъ. Такъ, казалось бы, должно было быть, и однакоже не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Не смотря на именной указъ 24-го марта 1719 года, церковная власть издастъ въ 1722 году (15-го мая) свой указъ, которымъ рѣшительно отрицается право раскольниковъ „живть безъ церковнаго вѣнчанія“ и налагается наказаніе какъ на вѣнчавшихъ „вѣнцы церкви“ раскольничыи браки, такъ и на самихъ брачившихся; тѣ же изъ раскольниковъ, кои „сживались сами съ собою безъ всяаго вѣнчанія, яко законопреступники, звались на судъ архиерейскій“, и даже—„въ розыскъ“ (¹). Мало этого: въ томъ же 1722 году св. синодъ уже „обще съ сенатомъ“ издаютъ другой указъ, которымъ опредѣлялось „имать у всѣхъ раскольниковъ сказки, подъ лишеніемъ имѣнія и ссылкою на галеры, кто у нихъ... брачившихся вѣнчаетъ, и по тѣмъ сказкамъ такихъ, кого они покажутъ, сыскивать чрезъ нихъ же самихъ къ духовному правленію и, сыскивая, допрашивать, какого быль кто чина (и ежели попъ, кѣмъ посвященъ и имѣеть ли свидѣтельствующую священство его грамоту, и гдѣ служить, и по указу ль, и не подъ запрещеніемъ ли обрѣгается. А буде не посвященной дѣйствуетъ), давно ль въ расколѣ и кѣмъ въ расколѣ приведенъ и такой прелести наученъ, и для чего такъ дерзостно не данная ему дѣйствуетъ, и, по тѣмъ допросамъ учиня

(¹) Тамъ же, т. VI, № 4009, п. 8.

обстоятельное о нихъ слѣдованіе, отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имѣніе отписывать на Его Императорское Величество и содержать подъ синодскимъ вѣдѣніемъ⁽¹⁾. Этотъ указъ, очевидно, направленъ былъ уже къ тому, чтобы, чрезъ помику бѣглыхъ поповъ и раскольническихъ цаставниковъ, отнять у заблуждающихъ самую возможность вступать въ безцерковные браки и тѣмъ заставить ихъ или вѣнчаться у православныхъ священниковъ⁽²⁾, или „жить безъ всякаго вѣнчанія“, какъ кому удобнѣе. Наконецъ, независимо отъ трехъ-рублеваго сбора въ пользу казны, св. синодъ указами 15-го мая 1722 года и 10 сентября 1723 года наложилъ на раскольниковъ за внѣ-церковную ихъ „женитьбу“ особый штрафъ въ пользу приходского духовенства⁽³⁾. А изъ всего этого выходило то, что въ царствованіе Петра 1-го раскольникъ, на основаніи Именнаго указа отъ 24-го марта 1719 года, могъ, внеся въ казну три рубля, вступить въ бракъ посредствомъ вѣнчанія „внѣ церкви“, или—и безъ вѣнчанія; но при этомъ обязанъ былъ за свою „женитьбу“ заплатить „гривну“ и даже больше своему приходскому священнику съ причетниками, и кромѣ того долженъ былъ объявить начальству, кто его вѣнчалъ, и представить такого „продерзателя къ духовному правленію“ для наказанія, которому подвергался и самъ, „яко своего обѣщанія“, даннаго „при записаніи своемъ въ явный расколъ съ роспискою, преступникъ“; въ случаѣ же нежеланія открыть совершилеля брака, молодой су-

(1) Тамъ же № 4052.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 53.

(3) Тамъ же стр. 38 и 82.

пругъ имѣлъ право попасть „въ розыскъ“, т. е. познакомиться съ приснопамятными дѣятелями Преображенского приказа, или—по меньшей мѣрѣ—розыскной раскольническихъ дѣлъ канцелярии, т. е. послѣ распросовъ—испытать „на тѣлѣ публичное наказаніе“, или даже, смотря „по важности винъ“, подлежать ссылкѣ временно или и вѣчно въ гадерную работу“⁽¹⁾.

Такая же противорѣчивость въ законодательствѣ касательно раскольническихъ браковъ продолжалась и послѣ Петра I-го—до Екатерины II-й. Именной указъ о трехъ-рублевомъ сборѣ съ раскольниковъ, вступавшихъ въ бракъ безъ церковнаго вѣчанія, продолжалъ существовать въ качествѣ дѣйствующаго закона, а между тѣмъ сенатъ издаетъ въ это время новыя постановленія, которыя прямо ему противорѣчили. Такъ указомъ 26 мая 1733 года повелѣвалось сыскывать и за карауломъ отсылать въ синодъ тѣхъ раскольниковъ, которые — „непосвященные церковныя дѣйства дерзаютъ чинить, и именно: свадьбы вѣччаютъ“ и проч. ⁽²⁾. Съ цѣллю же пресечь раскольникамъ возможность вступать въ браки безъ церковнаго вѣчанія и совершать другія требы былъ изданъ сенатомъ указъ и въ 1736 году ⁽³⁾. Что же касается власти церковной, то она, считая сожительства раскольниковъ безъ церковнаго вѣчанія любодѣяніемъ ⁽⁴⁾, а дѣтей, рождавшихся отъ подобныхъ сожительствъ, незаконворожденными ⁽⁵⁾, употребляла всѣ средства къ тому, чтобы „таковому всескверному“ раскольниковъ „дѣйству“ возымѣлось пре-

⁽¹⁾ Снес. тамъ же стр. 135.

⁽²⁾ Полн. собр. зак. т. IX, № 6415.

⁽³⁾ Тамъ же № 6928.

⁽⁴⁾ Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 141.

⁽⁵⁾ Тамъ же стр. 585.

свѣченіе“, и съ этою цѣлію разсыпала „достойныхъ персоны“ для поимки „раскольническихъ учителей и скитающихся поповъ“, которые, въ числѣ другихъ святотатственныхъ дѣйствій, позволяли себѣ „брачившихся“ раскольниковъ „вѣнчать“ и которыхъ за это синодъ предписывалъ „отдавать подъ наикрѣпчайшій арестъ, заклепавъ въ ручныя и ножныя желѣза, и содержать подъ тѣмъ арестомъ до указу въ самыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, никого и ни для чего къ нимъ ни съ чѣмъ не допущая“ (¹); хотя, на основаніи Высочайшей резолюціи, состоявшейся 12 апрѣля 1722 года на докладныхъ пунктахъ синода, судъ о любодѣяніи и дѣтяхъ, прижитыхъ блудодѣйствомъ, принадлежалъ власти свѣтской, а не духовной (²).

Въ царствованіе Екатерины II-й вопросъ о раскольническихъ бракахъ, по видимому, уясняется. Въ первый же годъ своего царствованія Великая Императрица издаєтъ указъ, въ которомъ, повторивъ, между прочимъ, распоряженія Петра I-го о наложеніи на всѣхъ вообще раскольниковъ двойного оклада, а на тѣхъ изъ нихъ, которые вѣнчались „не у церкви, безъ вѣнчальныхъ памятей“, трехъ-рублеваго сбора, объявляла во всеобщее свѣдѣніе, что во всемъ другомъ раскольникамъ, равно какъ и дѣтямъ ихъ, „ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ“ (³). За тѣмъ въ 1764 году, послѣ третьей ревизіи, манифестомъ отъ 3 марта назначена была перепись и раскольникамъ, причемъ повелѣвалось, чтобы раскольники, при подачѣ о себѣ сказокъ, „въ тѣхъ сказкахъ писали всѣхъ, какъ

(¹) Тамъ же стр. 400—403.

(²) Ноин. собр. зак. т. VI, № 3963, п. 7 и 12.

(³) Тамъ же, т. XVI, № 11725.

мужескій; такъ и женскій полъ, по семейству своему, какого бы они званія ни были, безъ малѣйшей утайки⁽¹⁾. А это значило, что въ это время семейные союзы раскольниковъ хотя и не признавались вполнѣ законными, но—и не расторгались свѣтскою властію⁽²⁾. Далѣе: указомъ 1765 года Екатерина II отмѣняетъ „во всемъ государствѣ съ свадебъ за вѣнчаныя памяти денежный сборъ“⁽³⁾. Простирался ли этотъ указъ и на раскольниковъ, какъ стараются доказать это современныя намъ раскольническіе писатели⁽⁴⁾, или онъ ограничивался только лицами православными, „желавшими, по словамъ синода, вступать въ бракъ по церковному чиноположенію“,—мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что, послѣ уничтоженія вѣнчаныхъ памятей, продолжать трехъ-рублевый сборъ съ раскольниковъ, вѣнчавшихся „не у церкви, безъ вѣнчаныхъ памятей“, значило бы поступать несправедливо. Наконецъ въ 1782 году Екатерина освобождаетъ заблуждающихъ отъ платежа двойнаго оклада⁽⁵⁾, а въ 1783 году—и отъ самаго названія „раскольникъ“; а это значило, что съ этого времени „свѣтская власть“ рѣшилась „не вмѣшиваться въ различіе, кого изъ жителей въ числѣ правовѣрныхъ, или кого въ числѣ заблуждающихся почитать“, а только считала своею обязанностію „надѣть всѣми вообще наблюдать, дабы каждый поступалъ по предписаннѣемъ государственнымъ узаконеніямъ“⁽⁶⁾. При

(1) Тамъ же № 12067.

(2) См. собран. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 667—8; смес. стр. 550.

(3) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12433.

(4) Историч. извѣщ. о безпрер. продолж. законнаго брака въ старовѣрахъ л. 16.

(5) Полн. собр. зак. т. XXI, № 15581.

(6) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 710—723; истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 37.

такомъ отношении къ расколу власти, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ либо преслѣдованіи раскольниковъ за ихъ безцерковные браки (¹), и власти церковной, не признавшой законности такихъ браковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ, скрѣпя сердце, „увѣщевать“ только заблуждающихъ „о обращеніи отъ расколу и о вѣнчаніи въ церквяхъ православныхъ“ (²).

Впрочемъ такой порядокъ вещей продолжался не долго. Въ первый же годъ по смерти Екатерины II-й церковная власть уже начинаетъ заявлять о незаконности раскольническихъ браковъ, и притомъ не только безсвященнословныхъ, но и вѣнчанныхъ бѣглыми попами (³). А съ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Благословленнаго она даже начинаетъ расторгать подобные союзы (⁴). Въ 1808 году св. синодъ, по прежнему признавая раскольническихъ браки незаконными, любодѣяніемъ, блудомъ, а дѣтей, прижитыхъ въ такихъ бракахъ, незаконнорожденными, судъ обѣихъ, по силѣ Высочайшей резолюціи на докладныхъ св. синода пунктахъ, предоставляетъ власти свѣтской (⁵). И однако же, несмотря на такое опредѣленіе, онъ и послѣ этого продолжаетъ расторгать раскольническихъ браки (⁶), а консисторіи не перестаютъ требовать къ себѣ раскольниковъ „для отвѣта“ по дѣламъ о бракахъ (⁷).

(¹) Не даромъ же защитники безсвященнословныхъ браковъ писали въ это время: „нынѣ время свободы, пынѣ слово Божіе не виждется“ и проч. См. „слово увѣщ. о зак. бракѣ“—Заяцевскаго—въ публ. библіот. № 31, въ сборн. № 473.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.

(³) Тамъ же стр. 755.

(⁴) Тамъ же кн. 2, стр. 48—49.

(⁵) Тамъ же стр. 75, 83—84.

(⁶) Тамъ же стр. 78—79.

(⁷) Тамъ же стр. 98, 133, 174—5.

Мало этого: въ царствование Императора Александра I-го, сами свѣтскіе суды начинаютъ путаться въ решеніи вопроса о раскольничихъ бракахъ. Одни изъ нихъ преслѣдуютъ брачившихся въ церкви раскольниковъ судомъ уголовнымъ⁽¹⁾, другіе составляютъ „выписки изъ законовъ“ о томъ, что „браки раскольниковъ, вѣнчанные въ церкви, незаконны и подлежать расторженію,—виновные наказываются тѣлесно, а дѣти, отъ нихъ рожденныя, лишаются не только наследства въ имѣніи, но и фамиліи“⁽²⁾, хотя и не осмѣливаются приводить эти выписки въ исполненіе безъ разрешенія высшихъ инстанцій; между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, не признавая такого взгляда на раскольническихъ бракахъ неправильнымъ, не решается однако же обратить его въ законъ и, вмѣсто положительныхъ предписаній, даетъ подчиненнымъ ему мѣстамъ и лицамъ только совѣтъ—слѣдоватъ въ вопросѣ о бракахъ раскольническихъ „правиламъ кротости, принятымъ основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства“⁽³⁾. Но и послѣ этого въ иѣкоторыхъ мѣстахъ, „по требованію мѣстнаго духовнаго начальства“, раскольнические браки подвергаются расторженію и даже „безъ предварительного о томъ представленія министерству“⁽⁴⁾.

Въ такомъ неопределенномъ положеніи находились раскольнические браки передъ судомъ закона, когда Императору Николаю Павловичу, въ первый же годъ своего царствования, угодно было Высочайше утвердить вышеизложенное мнѣніе комитета министровъ. Строго гово-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 93.

(2) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 115.

(3) Тамъ же стр. 119.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 96.

ря, этимъ мнѣніемъ не разрѣщался еще окончательно вопросъ о томъ, какое юридическое значеніе должны были имѣть съ этого времени виѣ церковные раскольническіе браки; но имъ по крайней мѣрѣ пресекались всѣ недоумѣнія, какія возбуждались въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ при сужденіи объ этомъ предметѣ, и прекращались самыя изслѣдованія о бракахъ заблуждающихъ, и притомъ—не только въ судахъ свѣтскихъ, но и духовныхъ. А что такъ, а вѣ иначе, понималъ свое мнѣніе комитетъ министровъ, видно изъ того, что, когда старшины Екатеринбургскаго старообрядческаго общества обратились (въ томъ же 1826 году) въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою „о томъ, дабы вѣнчанные старообрядческими священниками между сословіемъ ихъ браки не были подвергаемы, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальства, расторженію“, комитетъ министровъ, „имѣя въ виду, что Высочайше утвержденнымъ положеніемъ оного 9 января 1826 года постановлено уже“ было, „чтобы какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, мѣстная начальства не входили ни въ какія розысканія о тѣхъ старообрядцахъ, которые издавна находятся въ сей сектѣ, а наблюдали бы только, дабы они никого изъ православныхъ не совсѣмъ изѣгали въ свой расколъ, журналомъ 19 января 1826 года положилъ, что сего постановленія совершенно достаточно, дабы сихъ людей ни мѣстная полиція, ни духовныя начальства не тревожили понапрасну“, о чёмъ, по утвержденіи положенія комитета Государемъ Императоромъ, и дано было знать секретными предписаніями гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, въ коихъ находились раскольники, а св. синоду предоставлено было сдѣлать такія же предписанія епархиальнымъ архіере-

ямъ (1). Наконецъ, когда въ 1827 г. возникъ въ государственномъ совѣтѣ вопросъ: „духовному или гражданскому вѣдомству надлежитъ разматривать и судить дѣла о людяхъ, вступившихъ въ бракъ по раскольническому обряду“, Государь Императоръ, „усматривая, что указомъ святѣйшаго синода 14 августа 1808 года, преосвященному Воронежскому и Черкасскому даннымъ, дѣла такого рода постановлено разматривать и судить гражданскимъ, а не духовнымъ правительствомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы означенный указъ расpubликованъ быть для единообразнаго и повсемѣстнаго исполненія какъ чрезъ правительствующій сенатъ, такъ и посредствомъ святѣйшаго синода“ (2).

Нужно ли говорить, съ какою радостію приняты были указанныя постановленія раскольниками — поповцами, которые, какъ известно, никогда не отрицали брака и къ которымъ собственно и относились всѣ означенныя распоряженія власти? Но не одни поповцы могли быть призвательны молодому Государю за новые законы по вопросу о бракахъ раскольниковъ. Читая вышеприведенныя указы, могли чувствовать себя хорошо и тѣ изъ раскольниковъ — безпоповцевъ, кои труднымъ опытомъ жизни дошли до сознанія, что учение „прежнихъ отцевъ“ о всеобщемъ дѣствѣ — вещь хорошая, но недобоисполнимая, и, во избѣжаніе разврата, обзаводились женами — то по благословенію родителей, то по обрядамъ Покровской часовни (3). Правда, во всѣхъ указахъ, которые мы изложили, рѣчь шла только о

(1) Тамъ же стр. 97—8.

(2) Тамъ же стр. 109—110.

(3) Какъ заключались браки безпоповцевъ въ Покровской часовнѣ, см. обѣ этомъ въ Хр. Чт. 1866 г. ч. II, стр. 792—3.

раскольническихъ бракахъ, заключавшихся при посредствѣ, такъ называвшихся, бѣглыхъ поповъ, между тѣмъ какъ безпоповцы вступали въ свои сожительства по благословенію своихъ наставниковъ—мірянъ. Но, разсуждали безпоповцы, вѣдь и бѣглые попы, которыми пробавляются поповцы, по суду власти церковной и гражданской, суть такие же незаконные пастыри, какъ и наши наставники, и браки поповцевъ, которые совершаются у нихъ бѣглые попы, точно также признавались въ прежнее время незаконными, какъ незаконными считались и наши семейные союзы, заключавшіеся по благословенію родителей, или наставниковъ; и мы, подобно поповцамъ, давно состоимъ въ „древлеправославной вѣрѣ“, или въ старообрядствѣ, и отъ не признания властію нашихъ брачныхъ союзовъ могутъ произойти разнаго рода „безпокойства“, потому что и нась точно также, какъ и поповцевъ, находится въ разныхъ губерніяхъ „весьма значительное число“; а потому, заключали безпоповцы, быть не можетъ, чтобы правительство, прекратившее преслѣдованія браковъ поповщинскихъ, позволило мѣстнымъ властямъ преслѣдовать по прежнему наши безсвященнословные брачные союзы. И если въ новыхъ указахъ рѣчь идетъ только о бракахъ поповщинскихъ, то, вѣроятно, потому, что представленія, по которымъ состоялись эти указы, касались только поповцевъ. На основаніи такихъ разсужденій, тѣ изъ безпоповцевъ, коимъ наскучило дѣвство, спѣшили въ Покровскую часовню для заключенія въ ней своихъ браковъ, а настоятели часовни, ничтоже сумяся, вѣнчали такие браки (¹).

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. ви. 2, стр. 744—746.

Не долго, впрочемъ, пришлось безпоповцамъ оставаться въ неизвѣстности о томъ, въ какое отношеніе поставить себя къ ихъ бракамъ новое правительство, съ такою терпимостію взглянувшее на браки поповщиковъ. Въ 1833 году назначена была новая—восьмая ревизія (¹). Намъ неизвѣстно, возникали-ль при производствѣ этой ревизіи въ губерніяхъ, населенныхъ безпоповцами, вопросы о томъ, „какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ,—и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ“,—какъ было это при производствѣ 9-й народной переписи (²),—но мы знаемъ, что „сожительницы раскольниковъ безпоповщинской секты—даже Федосѣевской—были показаны по 8-й ревизіи въ семействахъ названныхъ мужей своихъ женами ихъ“ (³), подобно женамъ поповцевъ, а слѣдовательно и дѣти безпоповцевъ имѣли право на название законныхъ. Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ убѣдить безпоповцевъ въ томъ, что правительство, рѣшившееся „терпѣть въ гражданскомъ отношеніи“ браки поповцевъ (⁴), не намѣreno преслѣдовать и брачные союзы безпоповщиковъ. Въ скоромъ, впрочемъ, времени послѣдовалъ объ этомъ предметѣ положительный законъ. На сообщенный министерству внутреннихъ дѣлъ вопросъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора: „должно ли не дозволять раскольникамъ безпоповщинской секты отправленіе таинствъ по обрядамъ оной явно“,—Государь Императоръ, 5 декабря 1834 года, Высочайше

(¹) Стат. табл. Росс. импер. вып. 2, 1863 г. стр. 143.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537.

(³) Тамъ же стр. 534 и 550.

(⁴) Тамъ же стр. 265.

позволить соизволилъ: „сообщить Новороссийскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, что о тѣхъ раскольникахъ секты безпоповицкой или иной, кои совершаютъ таинства и мірскія требы по обряду своей ереси, само собою не слѣдуетъ входить ни въ какое изслѣдованіе, а надлежитъ только наблюдать, дабы они отнюдь не отправляли оныя публично и съ явнымъоказательствомъ ученія и богослуженія ихъ секты“ ('). По смыслу этого распоряженія, безпоповцы, очевидно, ставились на одну доску съ поповцами и точно также, какъ послѣдніе, могли вступать въ свои безсвященномъ браки, не опасаясь за это преслѣдованія мѣстныхъ властей. Нѣть нужды доказывать, какъ благопріятны были всѣ указанныя распоряженія власти развитію и распространенію въ средѣ безпоповицкаго раскола ученія Покровской часовни о необходимости брачной жизни. Если и въ прежнее время, когда безпоповицкіе брачные союзы могли подвергнуться и на самомъ дѣлѣ часто подвергались расторженію, проповѣдь послѣдователей Василья Емельянова о необходимости и законности брачной жизни находила себѣ большое сочувствіе въ массахъ безпоповицкихъ; то само собой понятно, что теперь, когда безпоповцамъ дано было право безбоязненно совершать по ихъ обрядамъ всѣ таинства, а слѣдовательно и таинство брака, ученіе Покровской часовни должно было находить себѣ еще больше послѣдователей. Къ сожалѣнію, въ это время между лицами, заправлявшими дѣлами Покровской часовни, возникли недоразумѣнія и ссоры, которые сильно вредили успѣху распространенія—по крайней мѣрѣ въ московской безпоповицкѣ—„тайны брака“.

(') Тамъ же стр. 166—7.

Въ 1827 году Андреянъ Сергеевъ, зять Скочкова, мечтавшій послѣ тестя сдѣлаться настоятелемъ часовни и однако же не достигшій своей цѣли, рѣшился отмстить своему обществу, избравшему въ настоятели Антипа Андреева, и совершило отдѣлиться отъ него. Обстоятельства какъ нельзѧ болѣе благопріятствовали этому замыслу Сергеева. Въ 1826 году умеръ настоятель одной московской єедосѣвской молельни, устроенной купцомъ Грачевымъ, завѣщавъ молельню съ настоятельствомъ бѣглому солдату Анисимову, проживавшему въ молельнѣ въ числѣ призрѣваемыхъ и съумѣвшему при помощи денегъ приписаться въ московскіе мѣщане. Между тѣмъ Преображенское кладбище, толкуя по—своему завѣщаніе Грачева и не видя въ Анисимовѣ особенно усерднаго къ себѣ приверженца, рѣшилось, во что бы то ни стало, завладѣть Грачевской молельней. Анисимовъ, чтобы успѣшиje бороться съ кладбищемъ, задумалъ сблизиться съ Покровской часовней, или вѣриѣ: съ Андреяномъ Сергеевымъ, который, какъ догадывался Анисимовъ, былъ недоволенъ часовней за отказъ ему въ настоятельствѣ и радъ былъ отдѣлиться отъ нея, чтобы составить отдѣльную самостоятельную общину. И дѣйствительно Сергеевъ, придумавъ довольно благовидный предлогъ къ отдѣленію отъ часовни, перешелъ со всею свою партіею къ Анисимову въ молельню Грачева, при чёмъ унесъ съ собою и „брачную книгу“, которую завѣдывалъ и которая собственно и привлекала къ Покровской часовнѣ многихъ московскихъ и иногородныхъ поморцевъ. Это обстоятельство впрочемъ не особенно смущило Антипа Андреева, настоятеля Покровской часовни. Лишившись „брачной книги“ и части своихъ прихожанъ, перешедшихъ съ Сер-

Гѣевымъ въ молельню Грачева, онъ только усилилъ свою пропаганду въ пользу брака и въ скоромъ врѣмени достигъ того, что подчинилъ своей часовни по-морцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровскій уѣздъ Владимірской губерніи, а „брачную книгу“, унесенную Сергѣевымъ, замѣнилъ выдачею свидѣтельствъ, за подписью первостатейныхъ прихожанъ⁽¹⁾, — свидѣтельствъ, которымъ простодушные старообрядцы вѣрили не меныше, чѣмъ прежнимъ записямъ ихъ браковъ въ „брачную книгу“. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ такихъ свидѣтельствъ, и такъ какъ въ немъ указаны основанія, на которыхъ безпоповцы утверждали свое право на безсвященословные браки, то мы считаемъ не лишимъ привести его здѣсь. „Свидѣтельство о бракѣ, 1835 года октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ, существующихъ указовъ всемилостивѣйше старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1762 декабря 14, 1775 марта 17. ст. ст. и Высочайше утвержденнаго въ 26 день марта 1819 г. мнѣнія Государственнааго совѣта и Правит. Сенатомъ расpubликованнаго указами въ апр. 1819 г., и по указу Правит. Сената, распубликованному отъ 4 января 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что дворовый человѣкъ Семенъ Тимофеевъ старообрядецъ, Ярослав. губ., Ростовскаго уѣзда, экономич. Жадимеровской волости, д. Сельниковъ съ крестьянскою дочерью, дѣвицею Матреною Федоровою старообрядкою, въ Москвѣ, Лефорт. ча-сти, въ старообрядческомъ общественномъ домѣ сего

(1) Старообр. Покр. мол. и Фил. часовн. въ Москвѣ, Вишнякова, стр. 17 — 21 и 24; снес. собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 744—5.

1835 г., октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба первымъ бракомъ; въ утверждениі чего, по указу московскаго магистрата 2-го д-та 1804 г. февраля 15 дня, означеннаго старообрядческаго дома попечители подписуемся: Моск. 1 гильдіи купецъ Никаноръ Матвеевъ Гусаревъ, Московскій мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостовѣраю Лефортовской части 4 квартала квартальный надзиратель Колосовскій. Въ третьей книжѣ записной 1835 г. № 13⁴ (¹).

Собственно говоря, интересны въ этомъ раскольничемъ документѣ не данныя, на основаніи которыхъ Покровская часовня считала себя въ правѣ вѣнчать браки своихъ послѣдователей и о пессостоятельности которыхъ мы уже говорили (²), а то обстоятельство, что это свидѣтельство выдано раскольничими вожаками въ 1835 году,—и даже за подписью квартального надзирателя, между тѣмъ какъ еще 1834 года 29 января было Высочайше повелѣно—сообщить московскому военному генералъ-губернатору, чтобы онъ воспретилъ раскольникамъ выдавать свидѣтельства о духовныхъ требахъ (³). Видно, московскіе старообрядцы умѣли замедлять исполненіе даже Высочайшихъ повелѣний.

1835 годъ, къ которому относится приведенный нами документъ, былъ послѣднимъ годомъ самостоятельнаго существованія Покровской часовни. 31 декабря 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—домъ, въ которомъ помѣщалась часовня, и землю, на которой стоялъ домъ, отдать, по уничтоженіи молельни, наследникамъ Монина, по имени котораго Покровская часовня и назы-

(¹) Кезльсіев. вып. 4, стр. 217, примѣчаніе.

(²) Христ. Чтен. 1867 г. ч. I, стр. 974—981.

(³) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 152—3.

валась Мониной (1). Въ 1837 году Высочайшее повелѣніе было уже исполнено. Въ сборникѣ бракоборныхъ сочиненій, находящемся въ импер. публ. библіотекѣ (№ 473), въ сочиненіи подъ № 34, сказано: „сословіе брачущихся и за царя молящихся по приходу принадлежитъ къ дому, бывшему общественному, который нынѣ находится въ Москвѣ, Лефортовской части, 5-го квартала, подъ №. 755—въ Покровскомъ. Домомъ симъ они владѣли, въ немъ отправляли богослуженіе и совершили обряды таинства для браку 40 лѣтъ. Домъ сей нынѣ съ 1837 года поступилъ во владѣніе наследникамъ“ (л. 270 об.). Вследствіе чего постигла такая бѣда Покровскую часовню, изъ Высочайшаго повелѣнія не видно; но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, случай, послужившій поводомъ къ закрытию моленной, былъ слѣдующій. Еще до изданія въ 1834 году указа—о непреставованіи безпоповцевъ за совершение ими таинствъ и другихъ требъ по обрядамъ ихъ вѣрованій, Покровская часовня повѣничала однажды многороднюю чету, пріѣхавшую въ Москву за благословеніемъ на бракъ изъ Владимирской губерніи. Дѣло, по видимому, не важное; подобные браки не разъ заключались въ Покровской часовнѣ,—полиція это знала, но молчала, потому что пользовалась отъ каждого брака приличными приношеніями. На бѣду часовни, о совершенномъ въ ней бракѣ лицъ изъ Владимирской губерніи узналъ приходскій священникъ и немедленно донесъ своему начальству о своеволіи покровцевъ въ вѣничаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленного факта, которое открыло за покровцами и другіе грѣшки,—именно: отмѣну анти-

--

(1) Тагъ же стр. 235—6.

помъ Андреевымъ молитвы за царя и непризнаніе имъ браковъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви... Какъ велось дальше дѣло, неизвѣстно; только оно кончилось уничтоженіемъ Покровской молельни и передачей земли, на которой она была построена, наследникамъ Монина. Тяжело было покровцамъ разставаться съ молельней, въ которой они отправляли богослуженіе и совершили свои браки цѣлые 40 лѣтъ; но въ скоромъ времени они были утѣшены устройствомъ новой (молельни) въ домѣ купца Гусарева—того самаго, подпись которого мы видѣли подъ вышеприведеннымъ „свидѣтельствомъ о бракѣ“, въ качествѣ попечителя Покровской часовни. Дѣло въ томъ, что полиція, которой было приказано запечатать Покровскую молельню со всѣми ея принадлежностями и сломать иконостасъ, ограничилась только тѣмъ, что разобрала иконостасъ, а вещи изъ часовни, иконы и утварь дозволила, за извѣстную плату, вывезти изъ часовни въ домашнюю молельню Гусарева, которая немедленно и обратилась въ общественную (¹). Кромѣ того образовалось въ это время съ учениемъ Антипа Андреева двѣ моленныхъ—въ домахъ купца Морозова, изъ которыхъ въ одной былъ сдѣланъ настоятелемъ моск. мѣщанинъ Матвѣй Андреевъ, а въ другой отправляла богослуженіе казенная крестьянская девка Дарья Нефедьева (²).

Гораздо важнѣе была для московскихъ поморцевъ Покровской часовни другая потеря, которую они понесли въ томъ же 1836 году,—потеря жаркаго проповѣдника необходимости брачной жизни и ловкаго наставника въ лицѣ Антипа Андреева, скончавшагося въ

(¹) Старообр. Покр. мол., Вишнякова, стр. 15—16.

(²) Дѣло въ арх. департ. общ. дѣлъ мин. вн. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 22.

этомъ году (¹). Мѣсто его занялъ, по однимъ извѣстіямъ (²), Я. Петровъ, — человѣкъ слабый и старый, который, разумѣется, мало заботился о пропагандѣ въ пользу брака, по другимъ (³), преемникомъ Антипу Андрееву былъ Михаилъ Яковлевъ, вызванный Андреевымъ въ Москву изъ города Гороховца, Владимирской губерніи (⁴), — то же личность ничѣмъ особыеннымъ не замѣчательная. Какъ бы то ни было, только несомнѣнно то, что съ 1836—7 года, и особенно съ 1847 года, община Покровской часовни начинаетъ слабѣть и распадаться на части (⁵), чтобъ, само собой понятно, мало благопріятствовало развитію въ средѣ поморскихъ безпоповцевъ Москвы ученія о необходимости брачной тайны. Впрочемъ, есть свидѣтельства о томъ, что, и по смерти Антипа Андреева и по уничтоженіи Покровской моленной, прихожане ея не перестали вступать въ браки, вѣнчаясь въ молельнѣ Гусарева и по прежнему получая „свидѣтельства“ о повѣнчаніи. Въ сборникѣ браковорныхъ сочиненій, находящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, есть подъ № 51 такое „свидѣтельство“ о бракѣ, относящееся къ 1844 году. Вотъ это свидѣтельство. „1844 года, февраля дня мы ниже подписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что московскій мѣщанинъ слободы Огородной Абрамъ Семеновъ, имѣя отъ рода 22 года, и московская мѣщанка слободы Конюшенной, дѣвица Аграфена Павлова, имѣющая отъ рода 21 годъ, старообрядцы, брачущіеся по безпоповщинѣ сословія поморскаго, сего 1844 года, января 23

(¹) Истор. извѣщ. о безпрер. прод. зак. брак. въ старовѣр. л. 17.

(²) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 24.

(³) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. бр. л. 17.

(⁴) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 17.

(⁵) Тамъ же стр. 24.

дня, вступили въ бракъ законный по обрядамъ своего исповѣданія, по приходу же они принадлежать къ дому старообрядческому общественному, бывшему въ Москвѣ Лефортовской части, что въ Покровскомъ; домъ сей нынѣ 5-го квартала подъ № 755, въ чёмъ удостовѣряя подписьемся". Впрочемъ въ сборникѣ, въ которомъ мы читали это "свидѣтельство", находится одна только подпись отца новобрачнаго, московскаго мѣщанина Семена Артемьева. Другихъ подписей, или рукоприкладствъ, нѣтъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ той части московскихъ поморцевъ, которые остались вѣрны Антипу Андрееву и считались прихожанами Покровской часовни. Что же дѣлалось въ это время въ той половинѣ покровцевъ, которые въ слѣдъ за Андреяномъ Сергиевыхъ оставили часовню и перешли въ Грачевскую молельню? Здѣсь проповѣдь въ пользу брака шла успѣши. Апсимовъ наслѣдовалъ послѣ Баженова 15 фунт. золота въ монетѣ и слиткахъ и множество серебряныхъ денегъ съ ассигнаціями. Какъ человѣкъ практическій, онъ прежде всего и сталъ пользоваться этимъ средствомъ для цѣлей пропаганды, разсыпая деньги по разнымъ небогатымъ раскольничимъ общинамъ и привлекая ихъ на свою сторону. За тѣмъ, не ограничиваясь проповѣдью о необходимости брачной жизни и вѣнчаціемъ браковъ, по обрядамъ Покровской часовни, Апсимовъ сталъ еще говорить при совершеніи браковъ свои самодѣльныя поученія, что придавало много торжественности брачнымъ церемоніямъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что съ Грачевской молельней соединились и усвоили ея ученіе Поморскія общини: стародубская, волоколамская, и поморцы по берегамъ Ху-

тыни, Оки и Волги. Что же касается Андреяна Сергеева, то онъ действовалъ въ пользу брачной жизни, главнымъ образомъ, чрезъ свою брачную книгу. Кроме того, занимая должность главного прикащица у купца Л. Осипова, отправлявшаго свои товары въ Малороссию, Сергеевъ не пропускалъ случая писать къ тамошнимъ поморцамъ, убѣждая ихъ вступать въ бракъ и уверяя, что спасеніе единственно зависитъ отъ брака, между тѣмъ какъ безбрачная жизнь подвергаетъ слабыхъ разврату. Путешествуя же по городамъ и селамъ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерній, во время мѣстныхъ ярмарокъ, Сергеевъ и лично внушалъ тѣ же мысли мѣстнымъ поморцамъ⁽¹⁾. Наконецъ и въ это время, какъ и прежде, Сергеевъ писалъ въ защиту брачной жизни разнаго рода сочиненія. Одно изъ такихъ сочиненій, подъ названіемъ: „исходъ изъ рая тайны брака въ царство земное“, писанное Сергеевымъ въ 1842 году, напечатано въ „сборникеъ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей“, изданиемъ въ началѣ текущаго десятилѣтія въ Іоганнисбургѣ—известнымъ о. Павломъ Пруссикомъ, при посредствѣ одного изъ самыхъ талантливыхъ его учениковъ—К. Голубова. Мы не станемъ излагать подробно содержанія указаннаго сочиненія Сергеева, потому что въ немъ содержатся тѣ же воззрѣнія на безсвящен-пословный бракъ и тѣ же доказательства его необходимости и законности въ настоящее время—въ средѣ безпоповцінскаго раскола, какія высказывались Скочковымъ и другими послѣдователями Покровской часовни и о которыхъ у насъ уже была рѣчь⁽²⁾. Но не мо-

(1) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 22—3.

(2) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 527—553.

жемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ поименованномъ сочиненіи Сергѣевъ, не ограничиваясь основаніями и примѣрами въ пользу безсвящен-нословнаго брака—церковно-историческими, указывалъ еще и на современныя узаконенія гражданскія. „Браки по обрядамъ въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ совершае-мые, писаль онъ, и въ настоящемъ времени призна-ются и утверждаются въ своей сиѣ Высочайшими сво-да законами и почитаются законными; и дѣти, отъ бра-ковъ таковыхъ рожденныя, признаются законными на-слѣдниками родительскому имѣнію. Да кромѣ того тѣ-ми законами предписано, чтобы супружескіе союзы не рассторгать даже и тѣхъ исповѣданій, въ коихъ браки при-нимаются за гражданскій только актъ“ (1). И хотя статьи свода законовъ, на которыхъ ссылался Сергѣевъ, рѣ-шительно не относились къ вопросу, о которомъ онъ писаль, такъ какъ въ нихъ рѣчь идетъ о бракахъ лицъ христіанскихъ исповѣданій, а раскола власть граж-данская и прежде и въ разматриваемое нами время не признавала отдѣльнымъ христіанскимъ исповѣда-ніемъ, считая его только уклоненіемъ отъ правосла-вія и заблужденіемъ, (2), — хотя съ другой стороны еще въ 1839 году, какъ увидимъ послѣ, правительство положительно объявило, что оно не признаетъ безсвя-щеннословныхъ браковъ раскольническихъ законными и „сведенныхъ такимъ образомъ мужемъ и женою“ (3); тѣмъ не менѣе можно думать, что плохо знакомые съ законами поморцы, особенно иногородніе, до которыхъ распоряженія власти не скоро достигали, вѣрили „учи-

(1) Сборл. ч. I, л. 79 об. и 80.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 231, 343 и 684.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.

телю первопрестольного града⁴ и спѣшили прилагать его проповѣдь о необходимости брачной жизни къ дѣлу. Только къ концу жизни Сергѣева, авторитетъ его сталъ падать по сѣдующему обстоятельству. До св. сънода дошли слухи, что Сергѣевъ вѣнчаетъ въ Москвѣ браки и даже имѣеть какую-то „брачную книгу“, въ которую вносить совершаемые имъ браки и которая главнымъ образомъ и приманивала къ Грачевской молельнѣ московскихъ и иногороднихъ поморцевъ. Началось слѣдствіе, заставившее Сергѣева скрыть до обыска брачную книгу и спѣшить въ Петербургъ откупаться отъ „ви-квианскаго суда⁴. И хотя при помощи 50 тысячъ рублей, данныхъ Сергѣеву на дорогу Грачевскою общиною, онъ и успѣлъ оправдаться, но вести брачную книгу ему запрещено было навсегда (¹).

Въ 1847 г. Сергѣевъ умеръ (²), но дѣло его не остановилось. Нашлись въ Москвѣ люди, которые не менѣе его были убѣждены въ законности брачной жизни, и если не съ болѣшимъ искусствомъ, такъ по крайней мѣрѣ не съ меньшимъ усердіемъ, старались доказать правильность бессвященномъсловныхъ браковъ и незаконность и гибельность всеобщаго дѣства. Нѣкто Онисимъ Никифоровъ Любушкинъ, московскій поморецъ, рѣшился взять на себя дѣло, за которое ратовалъ Сергѣевъ, и сталъ проповѣдывать необходимость брака не только устно, но и письменно. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ его сочиненій, подъ названіемъ: „бесѣда о бракѣ“, написанное въ 1852 г. и разосланное имъ по разнымъ безпоповщинскимъ общинамъ—съ цѣллю убѣдить ихъ къ

(¹) Стар. Покр. мол. стр. 256.

(²) Истор. извѣщ. о безпр. пред. зак. брак. въ старов. л. 16 об.

принятію безсвященословныхъ браковъ (¹). „Бесѣда о бракѣ“ составлена въ формѣ разговора между безбрачнымъ и брачнымъ и написана такъ, что защитникъ всеобщаго дѣства является подъ перомъ Любушкина не довольно состоятельнымъ въ своихъ доводахъ. Всѣ его разсужденія о послѣднихъ временахъ міра, о прекращеніи на землѣ православнаго священства, о необходимости для законности брака пресвитерскаго благословенія и проч. и проч., опровергнуты брачнымъ, съ безпоповщинской точки зрѣнія, весьма сильно и кроме того представлены послѣднимъ убѣдительныя доказательства того, что отверженіе брачной жизни болѣе вредитъ безпоповству, чѣмъ принятие брака, хотя бы и безсвященословнаго. Вотъ главныя мысли этого небольшаго, но пелищенаго интереса, по спокойному тону, сочиненія.

Желая доказать, что бракъ долженъ продолжаться въ родѣ человѣческомъ до конца міра и что безбрачіе не можетъ быть обязательнымъ для всѣхъ закономъ, авторъ „бесѣды о бракѣ“ говоритъ: мы всѣ (т. е. какъ поморцы, такъ и єедосѣевцы) признаемъ крещеніе необходимымъ для спасенія и имѣющимъ существовать до кончины міра; но „крещеніе человѣку—второе рождение, а второе безъ первого не бываетъ: первое рождается человѣкъ плотю отъ утробы матери своея, второе рождается отъ купели св. духомъ, и слѣдовательно какъ первое рождение человѣку, такъ и второе будутъ продолжаться до конца“. Сказавъ затѣмъ, что Богъ, сътворивъ мужа и жену, повелѣлъ имъ *раститися и множитися*, а потомъ, за преступленіе человѣкомъ запо-

(¹) Сочиненіе это находится въ сборникахъ библ. покойн. митр. Григорія № 154, л. 1—25.

вѣди, обрекъ его на смерть: земля еси и въ землю отвѣдешъ, — Любушкинъ замѣчалъ: „сіи Господни изреченія какъ брачная, такъ и смертная, продолжаются и до нынѣ и будутъ продолжаться до конца всего міра“, и далѣе разными свидѣтельствами отцевъ церкви доказываетъ, что бракъ уничтожится не раньше упраздненія смерти и наступленія царства славы, въ которомъ ни женятся, ни посагаютъ, что онъ необходиимъ „продолженія родовъ ради, да, преемники роду составляюще, не погибнемъ“, что брачиться и рождать также естественно, какъ и умирать, что невольное дѣвство, какъ не для всѣхъ выносимое, запрещено и ведеть къ разврату, что оно оставлено каждому „на произволеніе“, что и дѣвство и супружество равно ведуть ко спасенію, — не можеши дѣвствовати, брачися, точію съ цѣломудріемъ, — что на конецъ „никто, нигдѣ, никогда отъ святыхъ не полагалъ въ церкви дѣвство закономъ, кроме одного діавола; сей многократно во многихъ еритикахъ покушался поставить дѣвство закономъ, но всегда былъ церковью отражаемъ“. И чтобы окончательно поразить бракоборцевъ, авторъ „бесѣды о бракѣ“ указывалъ на то, что самъ Феодосій Васильевъ признавалъ браки староженовъ законными и что следовательно нынѣшніе Феодосьевцы, разводя на „чистое житіе“ даже такихъ супруговъ, противорѣчатъ основателю своего толка.

Стараясь затѣмъ разъяснить безбрачному, на какихъ основаніяхъ поморцы принимаютъ бракъ безсвященнословный, Любушкинъ говоритъ: „на сіе надобно имѣть разсужденіе, которое выше всѣхъ добродѣтелей, и должно смотрѣть правила временъ нужныхъ и правила временъ свободныхъ“ и не смѣшивать тѣхъ и другихъ. „Чтобы пояснить сию статью, скажемъ нѣсколько примѣровъ“. Ис-

шовѣдь напр., по правиламъ, можетъ принимать только епископъ, или по крайней мѣрѣ — священникъ; мало этого: по кормчей, „безъ воли епископа своего пресвітеры и всѣ діаконы да не творять ничто же, тому бо суть поручени людіе Господни“. И однакоже, замѣчаль безпоповецъ, „мы службы совершаємъ, кутью ставимъ на налой, крестимъ младенцевъ“ и проч. не только безъ воли епископа, но даже и безъ священника, и считаемъ такой порядокъ вещей правильнымъ и законнымъ. Такъ нужно разсуждать и о бракѣ. Во времена свободныя, желавши вступить въ бракъ вѣнчались, — „въ нужныя“ же — сходились безъ вѣнчанія „либо благословенiemъ“ родителей, „либо записанiemъ“, т. е. ограничиваясь однимъ свадебнымъ контрактомъ. Эту послѣднюю мысль авторъ „бесѣды о бракѣ“ доказываетъ многочисленными свидѣтельствами и примѣрами древности, которые мы уже указывали прежде, при изложеніи содержанія другихъ поморскихъ сочиненій (¹), и въ заключеніе говоритъ, что не только браки христіансkie, заключенные по взаимному согласію жениха и невѣсты и по благословенію родителей, но даже браки язычниковъ признаются отцами церкви законными, если только они не были заключены въ ближайшихъ степеняхъ родства; такъ какъ подобные браки, по обращеніи къ церкви невѣрующихъ супруговъ, не расторгались и не повторялись.

Въ концѣ сочиненія Любушкинъ, указавъ бракоборцамъ на жизнь ихъ среди міра, и притомъ — жизнь часто не только довольною, но и роскошную, обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „когда было вольное дѣвство,

(¹) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 537—539.

и тогда не въ міру сихъ людей оставляли святіи, но строили имъ монастыри съ крѣпкими оградами и имѣли у вратъ стражу, а также поставляли надъ сими людьми начальниковъ, и никому не позволялось безъ благословенія власти изъ монастыря вонъ исходить; какимъ же образомъ въ нынѣшнее время, нарицаемое плачевное, попустимъ жить въ міру безъ женъ, и не будетъ ли отъ сего вреда церкви и порицанія христіанамъ отъ виѣшнихъ? И затѣмъ, щадя современныхъ бракоборцевъ, Любушкинъ разсказываетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, только дѣла давно минувшихъ дней, какъ напр. папа Григорій, издавшій повелѣніе, чтобы священнослужителямъ не имѣть женъ, вытащилъ однажды изъ пруда 6000 младенцевъ, а царь Іустиніанъ—3000. Мнімые дѣвственники, разумѣется, понимали, съ какою цѣлію авторъ „бесѣды о бракѣ“ пустился въ такую глубокую старину.

Какие плоды принесло сочиненіе Любушкина ученію поморцевъ о необходимости брака, мы не знаемъ; но, по свидѣтельству самихъ єедосѣвцевъ, „тетрадь“, содержавшая въ себѣ это сочиненіе, „переходила изъ рукъ въ руки“ и удостоивалась вниманія даже тѣхъ изъ нихъ, кои жили „въ кельяхъ“, т. е. были „лютыми“ защитниками и проповѣдниками всеобщаго дѣвства (¹).

Въ сѣверной столицѣ — въ Петербургѣ главнымъ и и ревностнымъ проповѣдникомъ ученія о необходимости брачной жизни — въ средѣ безоповцевъ былъ въ разсмотриваемое нами время тотъ же Павелъ Любопытный, который, какъ мы видѣли (²), неутомимо защищалъ

(¹) См. въ томъ же сборнику сочиненіе, начинающееся словами: „растягнута жизнь не остается безъ послѣдствій“... л. 3 об.

(²) Хр. Чт. 1867 г. ч. II, стр. 1008—1015.

тайну брака и въ прежнее царствование. Независимо отъ устныхъ собесѣданій съ бракоборцами, Любопытный въ это время неустанно пишетъ одно за другимъ сочиненія въ защиту безсвященнословнаго брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ дѣствѣ. Такъ въ 1826 г. является изъ подъ его пера сочиненіе подъ на-званиемъ: „камень брака, или неоспоримость вѣчности его въ Христовой церкви, и что сущность онаго есть вѣчный обѣтъ сожитія сопрягающихся лицъ, а не вѣнчаніе пресвитера, по заключенію черни и гласу суевѣрія“. Въ 1827 г. Любопытный пишетъ „отвѣтъ Христовой (т. е. поморской) церкви суевѣрамъ и вѣщнимъ церквамъ о формѣ бракосовершенія не хиротонисанныхъ мужей, что оные, по праву разума и духу Христовой церкви, таинство брака, въ вѣнчаніи священства, свято могутъ совершать“, и кромѣ того, — „показатель Христовой церкви о формѣ браковъ ветхой и новоблагодатной церквей, что существо сей тайны, по разуму и духу Христовой церкви, состоить въ вѣчномъ обѣтѣ сожитія сочетавшихся лицъ, а не въ вѣнчаніи чрезъ пресвитера, по молвѣ черни и воплю суевѣрія, омрачающихъ истину небесъ“. Въ 1829 г. онъ сочиняетъ „отвѣтъ философу о времени сошествія св. Духа на чету, во время совершенія священнаго ея обряда“ (¹), и въ томъ же году предполагаетъ „непремѣнно сочинить“ слѣдующія книги въ пользу брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ безбрачіи: „плачевный гласъ Христовой церкви о злочестивомъ мудрованіи пагубнаго бракоборства старовѣрческихъ церквей и о го-

(¹) Катал. № 407, 408, 411 и 412; времѣ написанія Любопытными поименованныхъ сочиненій указано нами по рукописи Исторического словаря его, находящ. въ публ. библіотекѣ подъ № 1280 — въ концѣ.

рестномъ того послѣдствіи, происходящемъ всегда въ нихъ и ввѣ онъхъ въ злобномъ мірѣ¹, — „обличеніе суевѣрныхъ и глупыхъ 17-ти соборныхъ статей єедосіанскої церкви⁽¹⁾, ясно утверждающихъ пагубное бракоборство и злочестивый раздоръ съ поморскою церковью⁽²⁾, — „краткую исторію о началѣ яснаго, чистаго и свободнаго мудрованія о брачной тайне и торжественнаго ея отправленія въ поморской церкви⁽³⁾, и иѣкоторыя другія⁽²⁾. Зная страсть Любопытнаго къ сочинительству, можно навѣрно сказать, что онъ привелъ въ исполненіе свои предположенія и написалъ указанныя, а, можетъ быть, и другія книги. Такая неустанная пропаганда Любопытнаго въ пользу брака, конечно, не могла не дѣйствовать на петербургскихъ безпоповцевъ, которые, по самому пребыванію своему въ шумной, устроенной на иѣмецкій манеръ, столицѣ, труднѣе, чѣмъ иногородніе ихъ единомышленники, могли переносить сурое безбрачіе, не подвергаясь искушеніямъ плоти, и изъ которыхъ многіе, какъ мы видѣли⁽³⁾, и прежде довольно снисходительно относились къ семейной жизни.

Историческіе памятники того времени вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Въ самомъ началѣ разсмотримаго нами периода времени, именно въ 1829 г., С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ донесъ св. синоду, что иѣкоторыя изъ столичныхъ безпоповицкихъ моленныхъ выхлопотали себѣ у свѣтскаго начальства право, распространенное затѣмъ и на другія моленные, и даже — ввѣ столицы — по уѣзднымъ городамъ и се-

(¹) Объ этихъ статьяхъ у насъ уже была рѣчь, см. Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 946—951.

(²) Катал. № 489, 490, 503, 525 и др.

(³) Хр. Чт. 1867 г. ч. II, стр. 1007—11.

ламъ,—право имѣть книги, въ родѣ метрикъ, для внесенія въ нихъ, между прочимъ, „бракосочетавшихся“. И хотя св. синодъ, въ силу того начала, что „браки раскольниковъ, повѣнчанные въ домахъ и часовняхъ неизвѣстными бродягами, не могутъ быть признаны за браки законные, а за сопряженія любодѣйныя“, ваше распоряженіе гражданской власти неправильнымъ и вреднымъ для церкви и отечества и потому постановилъ—дать знать петербургскому военному генералъ-губернатору, „не благоугодно ли будетъ ему немедленно отмѣнить овое, безъ дальнѣйшихъ о семъ предметѣ по извѣстному порядку сношеній“⁽¹⁾; тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что и послѣ этого многіе изъ петербургскихъ безиоповцевъ не только продолжали вступать въ браки по благословенію своихъ наставниковъ, но даже старались придавать своимъ вѣнчаніямъ сопряженіямъ гражданскую законность—полученіемъ отъ своихъ обществъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи, за подпись духовниковъ, или почечителей моленныхъ. Мало этого: не смотря на то, что еще указомъ св. синода отъ 31 декабря 1828 г. выдача подобныхъ свидѣтельствъ, на основаніи Высочайше утвержденного мнѣнія государственного совѣта, была безусловно запрещена⁽²⁾, с.-петербургская дума почему-то считала такіе раскольнические документы законными. Въ мартѣ 1836 г. преосвящ. митрополитъ петербургскій Серафимъ уведомлялъ секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, что въ началѣ этого года много было заключено браковъ между столичными поморцами, что браки эти совершились на Охтѣ раскольническими наставниками

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—231.

(2) Тамъ же стр. 224.

со всею торжественностью, при чёмъ преосвященный указывалъ даже имена вступившихъ въ бессвященнословная супружества безпоповцевъ, именно: известныхъ купцовъ Яковлева и Семенова. Мало этого: 17 декабря того же 1836 г. купецъ Семеновъ вошелъ въ городскую думу съ прощениемъ, при которомъ, представи данное ему изъ общественного раскольничаго дома, за подпись попечителя купца Кузьмы Горлова, свидѣтельство въ томъ, что онъ, по обряду старообрядцевъ, сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью купца первой гильдіи Абрама Яковлева Настасьею Абрамовой, просилъ думу причислить ее къ его капиталу. И дума, ни-что же сумняся, указомъ отъ 23 декабря 1836 г. предписала старостамъ купечества и члену своему Герасимову—исполнить просьбу Семенова (¹).

Само собой понятно, что подобное отношение къ раскольничимъ бракамъ низшихъ гражданскихъ управлений могло привлекать въ Петербургъ раскольниковъ и изъ другихъ мѣстъ—для совершения въ столицѣ браковъ и получения брачныхъ свидѣтельствъ. И это—тѣмъ болѣе, что само высшее правительство смотрѣло въ это время на браки петербургскихъ поморцевъ, такъ сказать, сквозь пальцы. Такъ, когда доведенъ былъ до свѣдѣнія Государя Императора приговоръ петербургской уголовной палаты по дѣлу объ отставномъ канцеляристѣ Григоріѣ Карташевѣ, состоявшемъ въ поморской сектѣ и просившемъ развода съ женою, съ которой былъ вѣнчанъ по обрядамъ своей секты, Его Величество 16 мая 1836 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „дѣло о бракѣ Карташева съ Марьею Карповою оста-

(¹) Дѣло департ. общ. дѣл. минист. внутр. дѣл. 1839 г. № 77, л. 101 и 110; смес. истор. мин. внутр. дѣл. лн. 8, стр. 398.

вить безъ дальнѣйшаго производства[“] на томъ основаніи, что „когда не было правильнаго брака, то нѣтъ мѣста разсуждать и о разводѣ[“] (¹). А послѣ этого неудивительно, если, не смотря на начавшееся съ 1839 г. преслѣдованіе со стороны правительства сводныхъ браковъ между раскольниками иногородними, столичные поморцы по прежнему продолжали вступать съ благословенія своихъ наставниковъ въ свои безсвященномъсловныя сожительства и даже получать отъ нихъ свидѣтельства на свои внѣ-церковные браки. Въ 1841 г. иѣсколько такихъ свидѣтельствъ было найдено въ Ладожскомъ уѣзда⁽²⁾; а это значило, что въ Петербургѣ наставники поморскіе вѣнчали браки не только столичныхъ своихъ прихожанъ, но даже и провинціальныхъ раскольниковъ. Главная фабрикація раскольничихъ безпоповскихъ браковъ въ Петербургѣ совершилась на Охтѣ—въ бывшей здѣсь поморской моленной. Вѣнчались ли въ это время браки въ другой поморской моленной, находившейся во 2-мъ кварталѣ литеиной части (подъ № 32/124) въ домѣ купца Пиккіева, на Моховой улицѣ, мы не знаемъ; но несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что въ эту часовню допускались на общую молитву и брачные поморцы; слѣдовательно здѣсь не было той нетерпимости къ брачной жизни, какою отличались еесѣевскіе молельни Косцова, Зеленкова и др.

Кто же въ разматриваемое нами время совершаѣтъ въ Малоохтенской поморской часовнѣ раскольничыи браки? Г. Вишняковъ указываетъ въ этомъ случаѣ на одного петербургскаго поморскаго наставника, иѣкоего Петра Онуфріева, который, узнавъ объ успѣшной про-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 215—216.

(²) Истор. мин. внутр. дѣл. ии. 8, стр. 398.

повѣди Андреяна Сергѣева на югъ Россіи, рѣшился поступить по его примѣру и съ этою цѣлію чрезъ своихъ adeptовъ сталъ распространять между поморцами разныхъ мѣстъ Россіи, что ему позволено вѣнчать браки и выдавать брачныя свидѣтства св. синодомъ. Этотъ то Петръ Онуфріевъ, по словамъ г. Вишнякова, и занимался въ Петербургѣ вѣнчаніемъ раскольничихъ браковъ ⁽¹⁾. Въ этомъ извѣстіи есть доля правды, но есть въ немъ и ошибка. Въ разсматриваемое нами время училъ и дѣйствовалъ среди петербургскихъ безпоповцевъ въ пользу брачной жизни, а равно и вѣнчалъ браки въ Малоохтенской поморской моленой, не Петръ, а Павелъ Онуфріевъ, тотъ самый Павелъ Онуфріевъ Любопытный, который такъ много заботился объ интересахъ этой часовни, гдѣ онъ и жилъ нѣкоторое время ⁽²⁾, и о которомъ мы уже говорили выше. Помощникомъ Любопытному въ дѣлѣ брачной проповѣди былъ въ это время Карпъ Ивановъ Новосадовъ, муромскій ямщикъ, переселившійся въ Петербургъ, жившій долгое время при Малоохтенской поморской часовнѣ и, подобно Любопытному, занимавшійся вѣнчаніемъ поморскихъ браковъ,—хотя Любопытный въ своемъ историческомъ словарѣ отзыается о Новосадовѣ и не очень благосклонно, быть можетъ, потому, что послѣдній занимался тою же профессіею, которая приносила столько почта автору словаря. Наконецъ въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть еще указаніе на какого-то петербургскаго мѣщанина Ивана Некаодова, или вѣрнѣе: Неклюдова ⁽³⁾, который, подобно Новосадову,

⁽¹⁾ Старообр. Покр. мол. стр. 25.

⁽²⁾ Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 17 и 23.

⁽³⁾ На распросы наши: кто былъ Некаодовъ, старообрядцы, знакомы

слыть въ народѣ подъ именемъ „вѣнчальника“ и будто бы также, какъ и Новосадовъ, вѣнчалъ раскольничіи браки и выдавалъ отъ себя свидѣтельства о повѣнчаніи⁽¹⁾.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ петербургскіе раскольники обратили на себя вниманіе правительства. Дѣло началось съ одной єедосѣвской моленой, которая извѣстна была подъ именемъ Косцовой и въ которой, несмотря на всѣ мѣры власти, происходили разнаго рода беспорядки, даже перекрещиваніе въ расколъ православныхъ⁽²⁾. По Высочайшему повелѣнію, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ изученію раскола въ столицѣ и, разумѣется, на ряду съ моленою Косцова, открыло въ Петербургѣ и другіе раскольничіи притоны, и въ томъ числѣ—поморскую часовню на Малой Охтѣ, въ которой вѣнчались раскольничіи браки. И хотя раскольники, въ оправданіе своихъ брачныхъ сопряженій, указывали на отношеніе ministra внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—отъ 30 января 1835 года за № 60, въ которомъ было сказано, что „раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, какъ-то: крестить младенцевъ, совершать браки и погребеніе умершихъ“, только „безъ

мые намъ, отвѣчали, что о Некаодовѣ они не слыхали, а слышали, что былъ въ Петербургѣ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ и вѣнчалъ браки чѣкоть Иванъ Неклюдовъ; значитъ, фамилія Неклюдова въ дѣлахъ minist. внутр. дѣлъ искажена, вѣроятно, переписчикомъ, какъ искажено и имя Новосадова, который названъ въ бумагахъ не Карпомъ, а Киромъ.

(1) Дѣло департ. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 56—7, 79—80.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 229.

всякаго публичнаго оказательства ученія и богослужебнія своей секты, могущаго быть соблазномъ для православныхъ¹, т. е. повторена была сущность постановленій, которыя мы уже видѣли; но такъ какъ въ это время власть, по поводу усиленія между провинціальными безпоповцами сводныхъ браковъ, измѣнила свой взглядъ на раскольничихъ въ церковныхъ сопротивленіяхъ, признавъ ихъ „развратомъ и беззаконною жизнью“ и предписавъ „сводителей такихъ браковъ предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями“ ⁽¹⁾, то неудивительно, что лица, которымъ было поручено изслѣдованіе раскола въ столицѣ, нашли возможнымъ—къ прекращенію безсвященнословныхъ браковъ между петербургскими безпоповцами предложить слѣдующую мѣру: „всѣ тѣ узаконенія, служащія поводомъ для раскольниковъ совершать браки, крещеніе и проч., нужно пояснить, сообразно общему духу законодательства и указу св. синода отъ 14 марта 1808 года, опубликованному сенатомъ въ 1827 году, т. е. что не имѣющіе сана священническаго никогда таковыхъ требъ совершать не могутъ, и тѣмъ прекратить ссылку, дѣлаемую раскольниками на слова закона“ ⁽²⁾. Мы не знаемъ, были ли приняты къ руководству министерствомъ внутреннихъ дѣлъ указанныя мѣры въ отношеніи къ безпоповцамъ сточными, но знаемъ, что съ самаго начала сороковыхъ годовъ многородніе раскольники дѣйствительно стали преслѣдоваться властію за совершение сводныхъ браковъ. Этого одного уже было достаточно для того, чтобы Охтенскіе „вѣнчальники“ сдѣлались осторожнѣе въ своихъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.

(2) Дѣло департ. общ. дѣл. минист. внутр. дѣл. 1839 г. № 77, л. 101—111.

дѣйствіяхъ. А когда въ 1840 году правительство, въ той мысли, что „примѣръ своевольства столичныхъ раскольниковъ весьма много дѣйствуетъ на ихъ собратій по губерніямъ“, рѣшилось „принять болѣе дѣйствительные мѣры къ прекращенію своеволія и безчинія раскольниковъ“ петербургскихъ, и поэтому, не ограничиваясь однѣми єедосѣвскими молчаними, которыхъ считались особенно вредными, поручило министру внутреннихъ дѣлъ обратить строгое вниманіе и на другія раскольническия заведенія въ столицѣ (¹), — вѣнчаніе въ поморскихъ часовняхъ браковъ еще болѣе затруднилось.

Впрочемъ столичные „вѣнчальники“ не упали духомъ среди такихъ обстоятельствъ. Опасаясь совершать браки въ часовняхъ, они стали вѣнчать желавшихъ вступить въ супружество въ частныхъ домахъ. Такъ поступила, между прочимъ, Карпъ Новосадовъ. Нанявъ себѣ квартиру въ домѣ раскольника Тарасова — нарывской части, онъ продолжалъ здѣсь совершать браки, и притомъ не только раскольниковъ столичныхъ, но и иногороднихъ, причемъ выдавалъ по прежнему и свидѣтельства о повѣнчаніи, „на основаніи дозволенія, будто бы въ сводѣ законовъ содержащагося“. Долго ли продолжалъ Новосадовъ играть роль „вѣнчальника“, мы не знаемъ; по разсказамъ страрообрядцевъ, нынѣ обратившихся къ православію, въ половинѣ сороковыхъ годовъ Новосадовъ былъ арестованъ и куда-то сосланъ. Въ тоже время умеръ и Иванъ Неклюдовъ. А Павелъ Любопытный еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, опасаясь попасть въ руки полиціи, оставилъ Петербургъ, въ которомъ около 30 лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ за-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 381—3.

щитникомъ брачной жизни ⁽¹⁾). Все это было большою потерей для петербургскихъ поморцевъ, и особенно для тѣхъ изъ нихъ, которые признавали необходимость и законность брака.

Въ скоромъ послѣ того времени постигли столичныхъ поморцевъ еще болѣе бѣды. Главная ихъ моленная, находившаяся въ моковой улицѣ—въ домѣ купца Пиккіева, обратила на себя вниманіе правительства еще въ 1836 году. Домъ, въ которомъ находилась моленная, принадлежалъ прежде „именитому гражданину“ Ивану Феоктистову Долгову и былъ имъ завѣщанъ Выголексинскому старообрядческому обществу. Правительство чрезъ 20 лѣтъ признало это завѣщаніе не законнымъ и въ 1836 году передало имѣніе Долгова его наследникамъ, и именно: купчихѣ Галашевской ⁽²⁾, отъ которой домъ вмѣстѣ съ моленою перешелъ чрезъ покупку къ купцу Пиккіеву. Это бы еще ничего, но въ скоромъ послѣ этого времени моленная Долгова, какъ главный центръ столичнаго поморства, сдѣлалась предметомъ самаго бдительнаго вниманія власти, кончившагося тѣмъ, что въ 1847 году секретный комитетъ журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 18 апреля этого года, положилъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ имѣть въ виду закрытіе моленої въ домѣ Пиккіева и обращеніе занимаемыхъ ею комнатъ въ жилое помѣщеніе. Съ этого времени за означенною моленою имѣлось постоянное наблюденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ декабрѣ 1851 года, по распоряженію бывшаго министра графа

(¹) Сбора. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 27—9.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 200—203; Дѣло департ. общ. дѣл. мин. ви. дѣл. 1839 г. № 77, л. 77 и 104.

Перовскаго, сдѣланъ бытъ внезапный осмотръ моленной Пиккіева и произведено подробное описание ея. Порученіе это было исполнено на канунѣ праздника Рождества Христова, во время раскольническаго богослуженія, и потому не удивительно, что въ моленной было найдено до 500 человѣкъ молившихся разнаго пола и возраста, изъ которыхъ 127 человѣкъ показали на допросѣ, что они—православные и находились въ моленой только изъ любопытства. Это обстоятельство дало графу Перовскому поводъ къ исполненію Высочайше утвержденаго въ 1847 году журнала секретнаго комитета о закрытіи моленной Пиккіева. 29 января 1852 года, онъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ, объяснивъ, что закрытіе моленой Пиккіева можетъ послужить къ ослабленію беспоповицкаго раскола не только въ столицѣ, но и въ съѣзжихъ губерніяхъ, полагалъ съ своей стороны предоставить петербургскому военному генералъ-губернатору—запечатать означенную моленную со всѣми находившимися въ ней иконами (а ихъ было 504—въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ—съ драгоценными камнями), книгами и другимъ имуществомъ,—съ тѣмъ, чтобы мѣстная полиція имѣла строгій надзоръ за цѣлостью печатей и неприкосновенностью имущества. 15-го мая 1852 года посыпало Высочайшее повелѣніе—запечатать моленную Пиккіева, но не иначе впрочемъ, какъ „по избраніи удобнаго времени и тогда, когда будетъ благовидный къ тому поводъ“. Поводъ этотъ не замедлилъ представиться. При посѣщеніи 6 января 1853 г., моленой Пиккіева чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ—и—петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, замѣчены были въ ней признаки поправокъ:

льса для передѣлокъ, образа, вынутые изъ иконостаса для поновленія, потолокъ главнаго отдѣленія отбѣленный, па хорахъ 6 человѣкъ рабочихъ и, кромѣ того, колоколъ. Такъ какъ возобновленіе раскольническихъ моленныхъ было запрещено еще въ 1839 году (¹), а въ 1841 году послѣдовало нарочитое Высочайшее повелѣніе о снятіи съ петербургскихъ раскольническихъ часовенъ колоколовъ (²), то само собой понятно, что с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, которому поручено было запечатаніе моленной Пиккіева, счелъ себя теперь въ правѣ исполнить Высочайшую волю. И дѣйствительно 30 іюня 1854 года моленная Пиккіева была запечатана, а виновные въ нарушеніи закона были преданы суду. Внослѣдствіи времени самыи видъ моленной былъ уничтоженъ, комнаты, въ которыхъ она помѣщалась, обращены въ жилое помѣщеніе, иконы, кресты, книги и другія богослужебныя принадлежности отданы были въ распоряженіе духовной власти—съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ „противные православію и единовѣрію“ были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а „невредные, равно драгоценности“, возвращены были тѣмъ, кому принадлежали (³).

Въ то время, какъ рѣшалась участъ моленной Пиккіева, собиралась гроза и надѣль другою поморскою моленною, находившеюся на малой Охтѣ. Въ 1850 году Богадѣльня, находившаяся при этой часовнѣ, была подчинена вѣдѣнію попечительного совѣта, а завѣдываніе ею возложено на члена совѣта сенатора Жемчужникова (⁴).

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 338.

(²) Тамъ же стр. 387.

(³) Всѣ эти свѣдѣнія взяты нами изъ дѣлъ дѣпарт. общ. дѣл. мин. внутр. дѣл. № 77 1839 г. и № 121/6; 1853 г.

(⁴) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 539.

Того же года 8 декабря Высочайше запрещено было принимать въ означенную богадельню на призрѣніе не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ⁽¹⁾. 15-го мая 1852 года Малоохтенская поморская часовня, по Высочайшему повелѣнію, была запечатана, находившаяся въ ея богадельнѣ призрѣваемые были переведены въ волковскую раскольничью (өедосѣевскую) богадельню, къ собственности которой были присоединены денежные суммы и имущество означенной моленной и богадельни, а богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, были переданы „на распоряженіе главнаго духовнаго начальства—съ тѣмъ, чтобы изъ числа иконъ, крестовъ и книгъ, противные учению св. церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а небредные, составляющіе частную собственность, возвращены по принадлежности“. При этомъ предоставлено было с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—увидѣтъ самую моленную послѣ того, какъ вещи изъ неї будутъ вынесены, а зданія и постройки передать въ вѣдѣніе попечительного совѣта заведеній общественнаго призрѣнія—„для помѣщенія или устройства въ нихъ со временемъ какого-либо богоугоднаго заведенія“⁽²⁾. Наконецъ, 25 декабря того же 1852 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „кладбище (малоохтенское) упразднить, предоставивъ проживающимъ тамъ раскольникамъ хоронить тѣла умершихъ единомышленниковъ своихъ на волковскомъ раскольническомъ кладбищѣ, и за симъ какъ завѣдывающимъ малоохтенскимъ кладбищемъ купцу Андрееву и мѣщанину Горлову (бывшимъ попечителямъ поморской моленной),

(1) Тамъ же стр. 555.

(2) Тамъ же стр. 571—2.

такъ и прочимъ раскольникамъ, въ просьбѣ ихъ о дозволеніи по прежнему погребать тѣла умирающихъ односектаторовъ на означенномъ кладбище, отказать” (¹). Впослѣдствіи времени па мѣстѣ одной изъ бывшихъ на Малой Охтѣ молелень устроена едиповѣрческая церковь, а зданія богоадѣлель переданы были въ распоряженіе соѣтства Императорскаго человѣколюбиваго общества (²).

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о вѣничаніи въ петербургскихъ поморскихъ моленныхъ раскольничихъ браковъ, какъ это было прежде—въ тридцатыхъ годахъ. Мало этого: съ половины сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе строгаго отношенія власти къ „своднымъ бракамъ“, самая роль раскольническаго „вѣничальника“ въ столицѣ стала небезопасна. А послѣ этого пѣть ничего удивительнаго въ томъ, что, послѣ ареста Карпа Новосадова и смерти Ивана Іеклюдова, не нашлось между петербургскими поморцами ни одного смѣлаго человѣка, который бы рѣшился взять на себя ихъ роль и продолжать начатое ими дѣло. За то съ какимъ восторгомъ вспоминаютъ столичные поморцы не такъ давно умершую dochь Карпа Новосадова—„Марью Карповну“, которая, вѣроятно, въ силу того убѣжденія, что „съ женщины взять нечего“, рѣшилась послѣ ареста отца, разумѣется, тайкомъ, сдѣлаться раздаательницею благословенія на брачную жизнь всѣмъ, кто хотѣлъ жить „по закону“. Чѣмъ побудило эту замѣчательную женщину взяться за такое опасное дѣло, трудно сказать. Примѣръ отца, личное убѣжденіе въ необходимости и законности семейной жизни, желаніе играть замѣтную роль среди столич-

(¹) Тамъ же стр. 578.

(²) Тамъ же стр. 608.

ныхъ беспоповцевъ, страсть къ паживъ безъ особенныхъ трудовъ и заботъ, наконецъ чувство мести правительству, лишившему Карла Новосадова свободы, — все эти причины вмѣстѣ и каждая порознь могли заставить Марью Карпову взяться за несвойственную ей, весьма смѣлу, но столько же и интересную, роль „вѣчальника“ въ сарафанѣ. Конечно, не безъ недоумѣній со стороны столичныхъ беспоповцевъ вступила Новосадова въ свою странную профессію; много было пересмотрѣно и перечитано ими разныхъ сборниковъ, кормчихъ, потребниковъ и другихъ книгъ — съ цѣллю узнать, есть ли въ нихъ „древніе примѣры“, которыми можно было бы оправдать законность роли, которую взяла на себя „Марья Карповна“; и хотя подобныхъ примѣровъ не обрѣлось ни въ одной „кожаной“ книгѣ, тѣмъ не менѣе нашлись люди, которые стали обращаться къ Новосадовой за благословеніемъ на бракъ. И это неудивительно. Потребность болѣе или менѣе правильной семейной жизни чувствовалась въ это время лучшими беспоповцами такъ сильно, а между тѣмъ отвращеніе къ „вѣчному“ (т. е. церковному) вѣнчанію поддерживалось крутыми мѣрами противъ раскола такъ настойчиво, что ревнителямъ старины не казались странностію никакія новости въ ихъ церковной практикѣ. Съ другой стороны въ средѣ, которая „по нуждѣ“ предоставила женщинѣ право не только крестить, но и публично учить (что трудно), вѣнчаніе ею браковъ не должно было и не могло составлять явленія необычайного. Наконецъ если, какъ проповѣдовали Любопытный, Новосадовъ и другіе, сущность брака состоять не въ вѣнчаніи пресвитерскомъ, а во взаимномъ обѣтѣ сочетавшихся — любить другъ друга цѣлую жизнь,

если священникъ, вѣнчающій бракъ, есть, какъ были убѣждены многіе поморцы, не болѣе, какъ свидѣтель этого обѣта, — то не все ли равно, будетъ ли выслушивать „брачашіхся глаголы, яко по любви сопрягаются“, Павель Любопытный, или эту роль свидѣтеля возьметъ на себя „Марья Карповна“? А къ чтенію „каноновъ“ и другихъ молитвъ, и вообще къ совершенію разныхъ церковныхъ службъ женщинами, раскольничье ухо и раскольничій глазъ давно уже привыкли. Какъ бы то ни было, только Марья Новосадова скоро пріобрѣла въ раскольничемъ мірѣ известность, а съ нею и „практику“. Къ ней стали обращаться за благословеніемъ на бракъ не только столичные поморцы, но и ишгородніе безпоповцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ безпоповецъ Новоладожскаго уѣзда, рѣшившись присоединиться къ св. церкви, подалъ обѣ этомъ прошеніе преосвященному митрополиту, при чёмъ откровенно сознался, что онъ вѣнчался у „Марии Карповны“, что, конечно, не мало изумило архипастыря. На вопросы наши обѣ этомъ предметѣ, онъ сообщилъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ нарочито прїѣзжалъ въ Петербургъ для вѣнчанія, такъ какъ наставники безпоповщинскіе Новоладожскаго уѣзда въ то время еще отвергали бракъ, что доступъ къ Марѣ Новосадовой былъ нелегокъ, потому что опасались, какъ бы не узнала о ея продѣлкахъ полиція, что вѣнчаніе совершилось большою частію поздно — вечеромъ, въ квартире Новосадовой, при чёмъ молодые приходили въ квартиру пѣшкомъ, какъ простые знакомые; чтеніе нѣкоторыхъ молитвъ и канона и тихое пѣніе молебна — вотъ все, что совершала Новосадова для своихъ мнимыхъ знакомыхъ, желавшихъ вступить въ бракъ; разумѣется,

за рискъ и хлопоты она получала приличное вознаграждение. Мы не знаемъ, какъ много браковъ повѣнчала Марья Карпова, но то несомнѣнно, что не всѣ изъ петербургскихъ поморцевъ, желавшихъ вступить въ бракъ, пользовались ея услугами. Многіе, особенно богачи, привыкшіе все дѣлать на широкую руку и среди разныхъ столкновеній съ „иновѣрцами“ потерявши „крѣпость въ вѣрѣ“, находили неприличнымъ для себя отправляться для такого торжественнаго и важнаго въ жизни акта, каково вѣничаніе, по образу пѣшаго хожденія и, чтобы не уронить своего денежнаго достоинства,ѣздили въ каретахъ для вѣничанія—въ церкви единовѣрческія. Другіе поступали также изъ опасенія, чтобы пѣть квартиры Новосадовой не отправиться неизвѣтно въ далекое путешествіе, только не по обычаю заморскихъ нехристей. Само собою разумѣется, что тѣ изъ столичной поморской молодежи, кои по какимъ либо расчетамъ желали породниться съ „никопіанами“, вѣничались даже въ церквахъ православныхъ. На долю Марии Новосадовой приходились такимъ образомъ крупицы. Но, вѣроятно, въ сплу поговорки, что курица по зернышку глотаетъ, да сыта бываетъ, и Новосадова, не смотря на свое сиротство, жила безбѣдно и прожила до 1863 года. Въ послѣдніе впрочемъ годы своей жизни она перестала вѣничать браки и занималась чтеніемъ „каноновъ о единоумершемъ“.

Въ то время, какъ Павелъ Любопытный, Карпъ Новосадовъ и др. вѣничали раскольничіи браки въ Петербургѣ, одинъ изъ насельниковъ Мало-охтенской поморской богоадѣльни, не довольствуясь признаніемъ законности брака со стороны нѣкоторыхъ изъ столичныхъ поморцевъ, рѣшился нанести ударъ безбрачію тамъ,

гдѣ поморство всего больше рисовалось своимъ мани-
мымъ дѣствомъ, т. е. въ Поморье. Съ этою цѣллю въ
1835 году онъ отправляется въ Олонецкую губернію,
извѣстную своимъ знаменитымъ Выговскимъ раскольни-
ческимъ общежительствомъ, и начинаетъ убѣждать та-
мопныхъ раскольниковъ въ необходимости и законности
брачной жизни (¹). Обстоятельства какъ нельзя болѣе
благопріятствовали успехамъ пропагандиста. Въ это
время развратъ олонецкихъ поморцевъ и въ частности
безпорядки въ Выгорѣцкомъ монастырѣ уже обратили
на себя вниманіе правительства. Въ 1836 году, какъ
мы уже говорили, Выговскій монастырь былъ лишенъ,
по Высочайшему повелѣнію, завѣщаннаго ему петер-
бургскимъ купцомъ Долговымъ дома и другаго недви-
жимаго имѣнія, и кроме того выголексинскимъ старо-
обрядцамъ запрещено было называться отдельнымъ *общ-
ествомъ* (²). Въ томъ же году, въ слѣдствіе замѣчен-
ныхъ въ Выговскомъ общежительствѣ разнаго рода без-
порядковъ и разврата, послѣдовало распоряженіе между
прочимъ о томъ, чтобы олонецкій губернаторъ наблю-
далъ чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ за жилищами рас-
кольниковъ и не допускалъ проживать у нихъ бѣглымъ
и беспаспортнымъ,—чтобы одинъ изъ становыхъ засѣ-
дателей постоянно жить при Выгорѣцкомъ общежитель-
ствѣ и наконецъ чтобы крестьяне Погонецкаго уѣзда,
произвольно присвоивши себѣ „именование Выгорѣц-
каго общежительства“, сравнены были во всемъ съ

(¹) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 291; по свидѣтельству по-
коинаго преосв. Игнатія Воронежскаго, бывшаго иѣскополько лѣть оло-
нецкимъ епископомъ, это было въ 1832—3 г. (Бесѣд. о мин. старообр.
стр. 379).

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 291; Дѣло департ. сбщ.
дѣл. мин. внутр. дѣл. № 67, 1853 г., л. 104.

ирочими казенными крестьянами, и особенно въ употреблении излишества доходовъ отъ земель и угодій, которыми они владѣли неправильно ⁽¹⁾). Слѣдствіемъ этого послѣднаго распоряженія было то, что выгорѣцкіе раскольники, жившіе въ лѣсныхъ участкахъ, называемыхъ пашеными дворами, переселены были, въ видѣ удобнѣйшаго за ними наблюденія, въ Даниловъ и Лексу, гдѣ надѣлены были законнымъ количествомъ земли, а участки были отданы въ распоряженіе палаты государственныхъ имуществъ, причемъ часовни раскольническія, существовавшія на пашеныхъ дворахъ, были запечатаны и заколочены ⁽²⁾. Въ 1837 году изданы были касательно выгорѣцкіхъ общежительствъ новыя слѣдующія распоряженія: 1) наблюдать, чтобы въ раскольническихъ богадѣльняхъ были только престарѣлые и дряхлые, не могущіе трудами своими снискивать себѣ пропитаніе, чтобы беспаспортные тамъ не жили, и впредь не дозволять туда принимать никого изъ людей другихъ губерній; 2) колокола съ раскольническихъ часовень, какъ принадлежности православныхъ церквей, снять и отдать въ ближайшія приходскія церкви; 3) въ часовняхъ, приходящихъ въ совершенную ветхость, не дозволять отправлять богослуженіе, въ предупрежденіе того, чтобы не произошло вреда собирающемся въ нихъ народу; 4) на раскольническомъ кладбищѣ не дозволять быть моленной и 5) наблюдать, чтобы списанныя иконы и книги не распространялись въ круга жительства раскольниковъ ⁽³⁾, — при чемъ содержаніе богоугоднѣйшихъ возложено было на самихъ раскольниковъ,

(1) Собр. постап. по ч. раск. 1858 г. стр. 207—209.

(2) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 323.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 244.

если они не хотѣли дать въ нихъ пріюта и православнымъ⁽¹⁾. И хотя представлениe начальника Олонецкой губерніи — 1838 года — признатъ мѣстныхъ поморцевъ раскольниками *вредными* для общества не было уважено по некоторымъ причинамъ⁽²⁾, тѣмъ не менѣе въ томъ же году запрещено было приписнымъ выгорѣцкимъ раскольникамъ Данилова и Лексы выдавать паспорты на отлучки безъ особенно уважительныхъ причинъ⁽³⁾. Впрочемъ такъ какъ большая часть указанныхъ постановлений не исполнялась, или исполнялась неточно и медленно⁽⁴⁾, то неудивительно, что „Выгорѣція“, не отвергая брачныхъ союзовъ своихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ мірѣ, сама считала долгомъ, или по крайней мѣрѣ находила выгоднымъ, — рисоваться предъ всѣми своимъ дѣствомъ. Поэтому женщины и девки, жившія на Лексѣ, а число ихъ доходило въ это время до нѣсколькихъ сотъ, носили черныя рясы, на подобіе монашескихъ, и покрывались такимъ же флеромъ, и въ такой одеждѣ являлись не только въ часовни — на службу, но даже бродили по Олонецкой губерніи, въ особенности по Повѣнѣцкому уѣзду, отправляли по домамъ трети, погребали умершихъ и своимъ видомъ увлекали на путь безбрачія не только своихъ единомышленницъ по вѣрѣ, но даже православныхъ женщинъ, которыхъ, счи-таясь по росписямъ въ своихъ приходскихъ церквяхъ по прежнему принадлежащими къ церкви, по прибытии въ Даниловъ и Лексу, переходили въ расколъ и, оставаясь здѣсь, увеличивали собою число мнимыхъ дѣв-

(1) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 228.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 302—4.

(3) Прав. Обозр. стр. 324 и 332.

(4) Тамъ же стр. 325—7.

ственницъ. Мнимыхъ—потому, что, какъ показали разслѣдованія, рѣдкая изъ жившихъ здѣсь дѣственницъ оставалась чистою отъ блуда. Когда въ 1838 году, по распоряженію олонецкаго губернатора, произведено было медицинское освидѣтельствованіе, тогда открылось, что изъ 40 молодыхъ дѣвицъ только одна по праву носила имя дѣственницы; а изъ остальныхъ многія даже страдали секретною болѣзнию. Рождавшіяся дѣти отдавались на пропитаніе въ окрестныя деревни и вносились въ ревизскія сказки и метрическія книги подъ именемъ не-законнорожденныхъ, а послѣ поступали въ монастырь; случалось, что новорожденные лишались жизни⁽¹⁾. Развратъ Данилова и Лексы естественно увлекалъ на путь беззаконія и раскольниковъ, жившихъ по селамъ и деревнямъ. При такихъ обстоятельствахъ петербургскому выходцу не трудно было доказать олонецкимъ раскольникамъ, что обязательное для всѣхъ дѣство, которому учила „Выгорѣція“,—гибельно по своимъ послѣдствіямъ и что для большинства бракъ составляетъ единственное условіе для избѣжанія блуда. И вотъ многіе изъ олонецкихъ раскольниковъ, соскучась развратомъ и видя въ то же время, что за него правительство стало преслѣдоввать даже „общежительство“, съ радостію услышали слово въ пользу правильной семейной жизни и стали вступать въ браки, по благословенію „учителя царствующаго града“. Когда же петербургскій проповѣдникъ брачной жизни удалился изъ Олонецкой губерніи въ другія мѣста, нашелся между самими олонецкими поморцами крестьянинъ Повѣнецкаго уѣзда, который сталъ совершать браки посредствомъ молебна⁽²⁾.

(1) Прав. Обозр. стр. 330—1 и 334; Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 290—1; Душеп. Чтен. 1864 г., павѣст. и замѣтки, стр. 111.

(2) Бесѣд. о мин. старообр. стр. 365—6 и 374.

хотя, по свидѣтельству преосв. Игнатія воронежскаго, вѣнчаніе браковъ посредствомъ молебна продолжалось въ Олонецкой губерніи не долго, но важно въ настоящемъ случаѣ было то, что законность брачной жизни была признана ближайшими послѣдователями и учениками той самой „Выгорѣціи“, которая съ небольшимъ сорокъ лѣтъ назадъ возсталъ противъ Василья Емельянова, какъ нововводителя, и вліяніе которой въ рассматриваемое нами время простирилось почти на всѣ поморскія общины. Узнавъ о принятіи брачной жизни раскольниками Олонецкой губерніи, поморцы и другихъ мѣстъ Россіи могли не стѣсняться болѣе безбрачіемъ и, по примѣру повѣнѣцкихъ раскольниковъ, и особенно по примѣру своихъ единовѣрцевъ столичныхъ, могли вступать въ брачные союзы ⁽¹⁾.

И дѣйствительно мы видимъ, что въ рассматриваемое нами время между поморцами губерній Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, такъ называемые, сводные, или безсвященномъсловные, браки, заключавшіеся по благословенію наставниковъ, или даже только родителей, распространялись и усилились до такой степени, что правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, вынужденнымъ нашлось обратить на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе ⁽²⁾. Власть свѣтская, при первомъ извѣстіи о распространеніи въ поморской безпоповщинѣ означенныхъ губерній сводныхъ браковъ, по-

(1) Въ послѣднее время поморцы Олонецкой губерніи не только допустили бракъ, но стали даже пользоваться имъ, какъ средствомъ, къ совращенію въ расколъ православныхъ, обольщая неопытныхъ и молодыхъ сыновъ церкви своими красными „Палашами“ (Душеп. Чтеніе 1865 г. январь, извѣст. и замѣтки, стр. 28).

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, 377, 448, 467 и 485; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247, 352, 368 и 374.

ступила очень круто. Независимо отъ изданного въ 1838 г. постановленія, чтобы мѣстные начальства не давали, „такъ называемымъ, раскольническимъ наставникамъ совершать браковъ, о тѣхъ же, кои изображены будуть въ таковыхъ законопреступныхъ дѣйствіяхъ, немедленно доносилъ“⁽¹⁾, правительство свѣтское сочло необходимымъ сдѣлать въ 1839 г. слѣдующее распоряженіе: „сводителей браковъ, когда они будутъ сдѣствіемъ обнаружены, предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями; сведенныхъ такимъ образомъ не признавать мужемъ и женою, а приглашать ихъ узаконить бракъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, гдѣ совершается служеніе по старопечатнымъ книгамъ, къ коему они привыкли, объясня имъ, сколь для нихъ самихъ выгодно сіе дѣйствіе, согласное съ общими государственными установленіями, ибо они чрезъ то приобрѣтаютъ спокойную жизнь, и дѣти ихъ будутъ пользоваться покровительствомъ закона“⁽²⁾. Но потому ли, что мѣстнымъ властямъ было выгоднѣе исполнять не это, а прежнія узаконенія, которыя, какъ мы видѣли, въ совершеніе раскольниками браковъ и другихъ требъ повелѣвали никому не вмѣшиваться, — потому ли, что противъ единовѣрческихъ церквей, въ которыхъ правительство приглашало поморцевъ вѣнчаться, не только безпоповцы, но и поповцы питали въ это время особенно сильное предубѣжденіе⁽³⁾, или иаконецъ потому, что, по объясненію

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 288.

(2) Тамъ же стр. 350 и 377.

(3) Причины этого нерасположенія раскольниковъ къ единовѣрью изложены были въ 1840 г. настоятелемъ старообрядческаго иргизскаго монастыря, старцемъ Сидуаномъ, въ запискѣ, поданной имъ единовѣрческимъ архимандритамъ Иллатону и Зосимѣ; см. объ этомъ въ нашей брошюре: „нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“, стр. 94—7.

вышеприведенного распоряжения, сдѣланному по поводу возникшихъ въ пѣкоторыхъ мѣстахъ недоумѣній, какъ свидѣтели браковъ подвергались отвѣтственности только въ томъ случаѣ, когда сами „открывались“ начальству, которое не имѣло права дѣлать „общихъ“ о раскольническихъ бракахъ „розысканій, обременительныхъ для него и для подчиненныхъ“, такъ и сведеніе только не признавались супругами, не потвергаясь за свой безсвященословный союзъ никакому дальнѣйшему „преслѣдованию, которое вдругъ потрясло бы многія семейства“, и притомъ не признавались супругами только тогда, „когда о нихъ дойдетъ до судебнаго мѣста“ (¹), а раскольники, какъ известно, умѣютъ вести свои дѣла такъ, что рѣдко возбуждаются „слѣдствія“, — по чьему бы то ни было, только, и послѣ изданія въ 1839 г. изложеннаго выше распоряженія „о мѣрахъ къ прерѣжденію распространенія сведенія между раскольниками беззаконныхъ браковъ“, безсвященословныя сопряженія между поморцами указанныхъ выше губерній не прекращались.

„Находя, что съ распространеніемъ лжеученія о свѣдѣніи браковъ поселяется между раскольниками развратъ и беззаконная жизнь“, и въ то же время не находясь много не привлекательную силу единовѣрія, правительство 23 января 1845 г. „предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ прекращать тѣ дѣла о сводныхъ раскольническихъ бракахъ, по коимъ подсудимые изъявлять согласіе на браковѣнчаніе въ св. церкви“ (²); а это значило, что, вмѣсто заключенія браковъ по благословенію пасторниковъ, власть приглашала поморскихъ

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 367—9.

(²) Тамъ же стр. 148.

безпоповцевъ вступать въ брачные союзы съ благословенія пастырей православной церкви. И хотя еще прежде 1845 г. власть церковная, какъ увидимъ послѣ, прежнее свое узаконеніе, требовавшее отъ раскольниковъ, желавшихъ повинчаться въ церкви, предварительного присоединенія къ ней ⁽¹⁾, отмѣнила и позволила вѣнчать не только поповцевъ, но и безпоповцевъ, безъ всякихъ ограничительныхъ условій ⁽²⁾, но потому ли, что это разрѣшеніе дѣжалось тайно и раскольники его не знали, или потому, что вѣнчаніе въ православныхъ церквяхъ и безъ присоединенія многіе изъ заблуждающихъ находили „зазорнымъ для совѣсти“, — только и послѣ 1845 года большинство поморцевъ вышеуказанныхъ губерній продолжало вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Это упорство заблуждающихъ вызвало правительство на болѣе рѣшительныя мѣры. 15 марта 1847 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе такого рода: „впредь до постановленія общихъ правилъ относительно сводныхъ браковъ раскольниковъ въ разрѣшеніи дѣлъ обѣ оныхъ руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 28 ноября 1839 г., подвергая суду и наказанію, на основаніи 1-го пункта сего повелѣнія, только свидѣтелей браковъ, а прочихъ, участвовавшихъ въ томъ, лицъ подчинять духовнымъ увѣщаніямъ и назиданіямъ“ ⁽³⁾. Это распоряженіе, подвергвшее суду и наказанію свидѣтелей браковъ, оставляло, по видимому, въ покое вступавшихъ въ сводные браки; но на самомъ дѣлѣ и послѣднєе не изъяты были отъ ответственности. Того же года, мѣсяца и числа послѣдовалъ другой указъ „о мѣ-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 241—2.

(²) Тамъ же стр. 380—1, 387—8.

(³) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 467.

рахъ къ прекращенію сводныхъ браковъ“, въ которомъ повелѣвалось: „дозволить владѣльцамъ отдавать съ разрѣшеніемъ начальника губерніи въ рекрутъ въ зачетъ по наборамъ крестьянъ ихъ, состоящихъ подъ судомъ за вступленіе въ сводные браки“ (1). Мѣра эта, касавшаяся сперва одной Пермской губерніи, въ скоромъ времени (22 июля 1847 г.) распространена была и на другія губерніи—Тобольскую, Вятскую и Оренбургскую (2)—съ такимъ дополненіемъ, что за сводный бракъ имѣли право попасть въ рекрутъ не только вступившіе въ такой бракъ, но и прочія, участвовавшія въ томъ, лица, напр. родители сведеныхъ, свидѣтели сведенія и проч. Такія распоряженія „къ прекращенію сводныхъ браковъ“, вѣроятно, были гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ училища, которыя указомъ 15 марта 1847 г. предписывалось учреждать въ тѣхъ селеніяхъ, где существовали сводные браки, и которыя, разумѣется, никогда не посвѣщались раскольниками, если, что сомнительно, и были учреждаемы.

Таковы были дѣйствія власти свѣтской относительно безсвященословныхъ браковъ поморцевъ, находившихся въ губерніяхъ Пермской, Оренбургской, Тобольской и Вятской. Что же касается власти церковной, то она старалась и могла дѣйствовать на заблуждающихъ только путемъ убѣжденія и вразумленія. Изъ распоряженій ея, касавшихся раскольниковъ указанныхъ губерній и имѣвшихъ цѣлую прекращеніе усилившихся между ними сводныхъ браковъ, намъ известны слѣдующія. Если лица, вступившія въ бракъ по обрядамъ поморской секты, присоединялись къ православію, св. синодъ по-

(1) Тамъ же стр. 468.

(2) Тамъ же стр. 485.

ручалъ мѣстному епархіальному начальству убѣждать присоединившихся „къ повѣнчанію вновь по церковному чиноположенію“ (1). Если же изъ подобной четы изъявляла желаніе присоединиться къ церкви только одна половина, а другая оставалась въ расколѣ, въ такомъ случаѣ прежній бракъ, какъ незаконный, расторгался и сторонѣ, присоединившейся къ православію, давалось право вступить въ новый бракъ съ лицемъ православнаго исповѣданія, „съ порученіемъ духовному отцу“ новоприсоединеннаго „очистить совѣсть его приличнымъ покаяніемъ“ (2). Когда вѣкоторые изъ поморцевъ Вятской губерніи изъявили въ 1833 г. желаніе вѣнчаться въ церквяхъ православныхъ и мѣстный преосвященный уведомилъ объ этомъ св. сунодъ, послѣдовавшій со стороны его опредѣленіе, которымъ дозволялось „допускать“ раскольниковъ къ вѣнчанію въ православныхъ церквяхъ, но не иначе, какъ послѣ предварительного присоединенія ихъ къ православію „установленнымъ образомъ“ (3), хотя еще въ 1777 г. св. сунодомъ было разрешено вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквяхъ безъ всякихъ ограниченій, „по довольномъ только о обращеніи ихъ отъ расколу увѣщаніи“ (4). Само собою разумѣется, что ограниченіе, съ какимъ церковная власть дозволяла приходскимъ священникамъ Вятской губерніи вѣнчать раскольнически браки, не ведя ни къ чему добруму, только усиливало распространеніе между вятскими поморцами безсвященословныхъ браковъ. И дѣйствительно въ сентябрѣ 1840 г. вятскій

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247.

(2) Тамъ же стр. 338 — 370, 531 — 2 снес. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 331.

(3) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 254 — 6.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.

преосвященный доносилъ св. синоду, что въ „мясоястіе по Рождество Христово“ того года между раскольниками поморской секты, въ Нолинскомъ уѣздѣ, заключено было весьма много брачныхъ сопряженій со всею торжественостію, соблюдаемою въ подобныхъ случаяхъ православными крестьянами¹. При этомъ преосвященный спрашивалъ св. синодъ: „могно ли, въ случаѣ согласія раскольниковъ па браковѣнчаніе въ единовѣрческой церкви, допустить сіе безъ присоединенія ихъ къ оной по чиноположенію, предоставивъ будущему времени сближеніе ихъ съ нею“. Въ разрѣшеніе такого представленія, св. синодъ далъ знать преосвященному секретнымъ указомъ отъ 23 сентября того же года, что „приходскіе священники его епархіи могутъ и должны убѣждать раскольниковъ, при удобныхъ случаяхъ, освящать таинство браковъ своихъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквяхъ и, въ случаѣ согласія ихъ на то, совершать надъ ними браковѣнчаніе, не простирая къ нимъ дальнѣйшихъ требованій“⁽¹⁾. Дано было знать „секретнымъ указомъ“, вѣроятно, потому, что въ Высочайшемъ повелѣніи 28 ноября 1839 г. было сказано только о томъ, чтобы приглашать раскольниковъ узаконять ихъ браки вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквяхъ, а о томъ, требовать ли отъ нихъ при этомъ присоединенія къ единовѣрію, или не требовать, не было сказано ни слова; да и послѣ вопросъ этотъ свѣтская власть видимо обходила⁽²⁾, до самаго 1847 г.⁽³⁾. Въ томъ же 1840 г. разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ поморской секты въ единовѣрческихъ церквяхъ, безъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. ви. 2, стр. 374.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 385—6.

(3) Тамъ же стр. 502.

предварительного присоединения ихъ къ единовѣрію, дано было св. синодомъ преосвященнымъ пермскому и оренбургскому (¹). А когда въ 1841 г. преосвященный вятской, вслѣдствіе безуспѣшности сдѣланныхъ имъ, на основаніи указа св. синода отъ 23 сентября 1840 г., уѣзжапій раскольникамъ о совершеніи ими браковъ въ церквяхъ единовѣрческихъ, испрашивалъ у св. синода разрѣшенія на браковѣнчаніе раскольниковъ въ церквяхъ православныхъ, безъ отборанія отъ нихъ узаконенныхъ обязательствъ быть твердыми въ правовѣріи и съ раскольниками согласія не имѣть, св. синодъ, въ разрѣшеніе сего представленія, далъ знать преосвященному секретнымъ приказомъ отъ 14 мая того же 1841 года, для *собственнаго его руководства*, что, въ предотвращеніе самочинныхъ и беззаконныхъ сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить вѣнчаніе, по ихъ требованіямъ, въ православныхъ церквяхъ, на тѣхъ основаніяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. синода отъ 23 сентября 1840 года (т. е. безъ присоединенія), не давая однакоже гласности сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вносить брачущихся въ особенные для подобныхъ браковъ метрическія тетради (²). И хотя представленіе вятского преосвященнаго св. синоду было вызвано прошею о повѣнчаніи въ церкви православной, безъ присоединенія къ ней, раскольниковъ-поповцевъ, тѣмъ не менѣе можно думать, что разрѣшеніе св. синода простидалось и на раскольниковъ-безпоповцевъ; такъ какъ, по суду церковной власти, вѣн-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383—4; смес. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 403—4.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 381.

церковные браки тѣхъ и другихъ раскольниковъ—одинаково беззаконны и браки поморцевъ, если они заключались въ церкви православной, хотя бы безъ предварительного присоединенія къ ней вѣнчавшихся, не растворились св. синодомъ и въ прежнее время—въ той мысли, что вѣнчавшіеся подобнымъ образомъ беспоповцы „не только дѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствѣ совершаемыхъ, но и сближались съ истинными христіанами“ (1). Впрочемъ недоумѣнія, по поводу приведенного указа св. синода, если и могли возникнуть, за то не могли продолжаться даѣше 1842 г. Когда въ этомъ году оренбургскій преосвященный, изъяснивъ въ рапортѣ своемъ св. синоду, что раскольники Челябинскаго уѣзда, города Стерлитамака, на убѣженія приходскихъ священниковъ освящать браки свои вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквяхъ, изъявили желаніе узаконять оные въ православныхъ, испрашивалъ па это разрѣшенія св. синода, присовокупивъ при этомъ, 1) что большая часть раскольниковъ противъ совершеннія православными священниками бракосочетанія надъ взрослыми не имѣла и не имѣть предубѣженія, 2) что иные живутъ отъ единовѣрческихъ церквей въ разстояніи 300 верстъ и болѣе, 3) что раскольники, заимствуясь христіанскими требами отъ православныхъ священниковъ, вслѣдствіе убѣженій послѣднихъ, часто входятъ въ совершенное общеніе съ св. церковю, и наконецъ 4) что раскольники держатся нелѣпыхъ заблужденій не столько потому, что ими совершенно связана ихъ совѣсть, сколько потому, что ихъ гордости лѣстить самоуправство,—св. синодъ и ему

(1) Тамъ же стр. 101—3.

также, какъ преосвященному вятскому, даът знать се-
кретнымъ указомъ, для собственнаго его руководства,
что, въ предотвращеніе самочинныхъ и беззаконныхъ
сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить
вѣнчаніе ихъ въ православныхъ церквахъ на тѣхъ ос-
нованіяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. синода къ
нему, преосвященному, отъ 23 декабря 1840 г. за № 77
(т. е. не требуя отъ раскольниковъ предварительного
присоединенія къ церкви), не давая однакоже гласности
сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по
возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вно-
сить брачущихся въ особенные для подобныхъ браковъ
тетради (¹). Здѣсь не сказано прямо, какіе раскольники
больше ждали вѣнчанія въ православныхъ, чѣмъ единовѣр-
ческихъ, церквахъ; но, имѣя въ виду то обстоятель-
ство, что разрѣшеніе вѣнчанія въ единовѣрческихъ
церквахъ было дано оренбургскимъ раскольникамъ-без-
ноловцамъ, вступавшимъ въ, такъ называемые, сводные
браки (²), необходимо допустить, что и позволеніе вѣн-
чанія въ церквахъ православныхъ было дано св. си-
нодомъ имъ же. Замѣчательна осторожность, съ какою
св. синодъ давалъ епархиальнымъ архіереямъ разрѣ-
шеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церк-
вахъ — безъ предварительного присоединенія ихъ къ пра-
вославію. Указы даются преосвященнымъ только „для
нихъ собственнаго руководства“, и притомъ съ оговор-
кой — „не предавать ихъ гласности“, и самые браки по-
велѣвалось записывать не въ общія метрики, а въ осо-
быя тетради. Но эта осторожность объясняется тѣмъ,
что позволеніе вѣнчать раскольниковъ въ православ-

(¹) Тамъ же стр. 387—8.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 317 и 448.

ныхъ церквахъ, безъ предварительного присоединенія ихъ къ церкви, съ одной стороны противорѣчило прежде изданніемъ распоряженіемъ по этому вопросу, и особенно указамъ 31 мая 1772 г. и 21 марта 1736 г., которые подтверждались въ 1830 (¹) и даже въ 1833 г. (²).—съ другой—было несогласно со взглядомъ на этотъ предметъ свѣтской власти, которая предписывала, чтобы раскольники, вступающіе между собою въ бракъ и желающіе вѣнчаться въ православной церкви, были обязываемы, предъ вѣнчаніемъ, „пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (³). Простиралось ли секретное разрѣшеніе св. синода—вѣнчать по мордевъ въ православной церкви, безъ предварительного присоединенія ихъ къ православію, и на епархіи Пермскую и Тобольскую, въ которыхъ также, какъ въ губерніяхъ Вятской и Оренбургской, особенно усилились въ рассматриваемое нами время сводные браки,—мы не знаемъ; но, судя по тому, что такое разрѣшеніе давалось св. синодомъ только вслѣдствіе особыхъ представлений мѣстныхъ епархиальныхъ начальниковъ, признававшихъ подобную мѣру необходимою по мѣстнымъ условіямъ, можно думать, что указанное распоряженіе не составляло общей мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ во всѣхъ означенныхъ губерніяхъ, а ограничивалось только епархіями вятскою и оренбургскою; хотя, какъ мы видѣли, позволеніе вѣнчать раскольниковъ, безъ присоединенія, въ церквяхъ единовѣрческихъ было дано св. синодомъ и преосвященному

¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. ви. 2, стр. 242.

²) Тамъ же стр. 254—6.

³) Тамъ же стр. 383.

пермскому и даже, кажется, тобольскому⁽¹⁾, хотя последнему дано было такое разрешение властю святскою. Наконецъ послѣднее распоряженіе церковной власти относительно беззаконнословныхъ браковъ поморцевъ, усилившихся въ царствование Императора Николая въ указанныхъ выше губерніяхъ, относится къ 1851 г. и состояло въ томъ, что св. синодъ былъ вынужденъ въ это время умѣрять ревность иѣкоторыхъ епархиальныхъ начальствъ, не хотѣвшихъ сводные браки поморцевъ называть даже браками и усвоившихъ имъ самыя странныя наименованія⁽²⁾.

Мы не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, на сколько достигало цѣли распоряженіе св. синода—о вѣнчаніи раскольниковъ въ церквяхъ православныхъ, безъ предварительного присоединенія ихъ къ православію,—распоряженіе, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что раскольники не хотѣли вѣнчаться въ церквяхъ единовѣрческихъ, но знаемъ, что и послѣ этого распоряженія церковной власти многие поморцы, напр. Вятской губерніи, вступали въ сожительство съ избранными ими женщинами безъ всякаго браковѣнчанія, и при этомъ нерѣдко брали себѣ въ сожительство дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православіи и единовѣріи. Мало этого: указанное распоряженіе власти не встрѣчало себѣ сочувствія даже въ иѣкоторыхъ начальникахъ тѣхъ епархій, которыхъ оно касалось. Такъ относился къ нему напр. покойный вятскій преосвященный Епидифоръ, которому хотѣлось, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавалось оное не ина-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, смес. стр. 502.

(2) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 498—500.

че, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или единовѣріи¹, и который даже заявлялъ (въ 1852 г.) о своемъ желаніи св. синоду, разумѣется, не согласившемуся съ мнѣніемъ преосвященнаго⁽¹⁾.

Все, что мы говорили доселѣ о распространеніи въ поморской безпоповиціи брачной жизни и о мѣрахъ власти противъ безсвященнословныхъ браковъ раскольническихъ, относится къ губерніямъ Пермской, Тобольской, Оренбургской и Вятской. Но это были не единственная мѣстности, где въ разматриваемое нами время было принято поморцами и осуществлялось па дѣлѣ ученіе Покровской часовни о необходимости и законности брака. Такъ, или иначе, т. е. съ благословенія наставниковъ, или только родителей, или даже съ благословенія пастырей православной церкви, вступали въ это время въ брачные союзы и поморцы другихъ губерній, и даже въ немаломъ числѣ. Такъ изъ указа 11 марта 1838 года, которымъ предписывалось начальству тульского завода „наблюдать, чтобы, такъ называемые, раскольнические наставники не совершали браковъ“⁽²⁾, видно, что между тульскими безпоповцами были въ это время лица, которые вступали въ браки, по благословенію своихъ наставниковъ. А поморцы kostромской губерніи брали себѣ въ жены дѣвокъ съ согласія только родителей, отъ чего назывались „самокрутами“, и поступали такъ, по примѣру своихъ единовѣрцевъ вятской губерніи⁽³⁾. Изъ Высочайшаго повелѣнія 16 ноября 1847 года—„въ видѣ временной мѣры, впрель до постановленія общихъ правилъ о раскольническихъ бра-

¹ Тамъ же стр. 514—517.

² Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 268.

³ Кельсіев. вып. II, стр. 19; вып. IV, стр. 300.

кахъ, распространить и на черниговскую епархию силу Высочайшаго повелѣнія 28 ноября 1839 года¹ о сводныхъ бракахъ раскольниковъ Тобольской и Пермской губерній, можно заключить, что и поморцы черниговской губерніи прилагали къ дѣлу ученіе Сергеева, Любопытнаго и др. и вступали въ, такъ называемые, сводные, или безсвященнословные, браки⁽¹⁾. Были и такие примѣры, что и некоторые поморцы черниговской губерніи вѣничались даже у бѣглыхъ поповъ⁽²⁾. На основаніи иѣкоторыхъ данныхъ, можно думать, что иѣкоторые изъ саратовскихъ поморцевъ признали въ это время семейную жизнь необходимою и законною⁽³⁾, хотя большинство, отвергая бракъ, считалось дѣственниками, понимая подъ дѣствомъ право — имѣть связь съ цѣломудренною дѣвицею, до прижитія съ нею ребенка, и потомъ бросать ее, чтобы брать на ложе новую — дѣственную же⁽⁴⁾. Въ подольской губерніи, какъ видно изъ дѣла старообрядца города Лигива Устина Шумскаго, также были безпоповцы, которые обзаводились семьей, хотя и на незаконныхъ началахъ⁽⁵⁾. Тѣже явленія происходили въ губерніяхъ симбирской и самарской; здѣсь поморцы вступали въ браки по благословенію родителей⁽⁶⁾. Въ землѣ Войска Донскаго многіе поморцы, или, какъ сказано въ запискѣ, внесенной (въ 1841 году) въ секретный комитетъ покойнымъ графомъ Клейнмихелемъ, „раскольники безпоповщинской

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; снес. стр. 549.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 509—512.

(³) Тамъ же стр. 251; снес. стр. 328.

(⁴) О раск. въ саратовской губ., рукоп. бабл. покойнаго митроп. Григорія, стр. 13—14.

(⁵) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 341—3.

(⁶) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 543.

секты⁴, также вступали въ браки, и притомъ нѣкоторые вѣнчались въ православныхъ церквяхъ—чрезъ православныхъ священниковъ, и даже—безъ предварительного присоединенія къ церкви (¹), хотя свѣтская власть и была недовольна такимъ порядкомъ вещей. Въ 1842 году были получены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири свѣдѣнія, что въ Забайкальскомъ краѣ было заключено раскольниками болѣе 800 сводныхъ браковъ „безъ всякаго порядка и чива“², которые притомъ, согласно заключенію иркутскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, были оставлены безъ судебнаго преслѣдованія (²). А въ архангельской губерніи многіе безпоповцы поморскаго толка вступали въ браки не только между собою, но даже съ лицами православнаго исповѣданія, и притомъ не только свѣтскими, но и духовными, при чемъ раскольники, разумѣется, вѣнчались въ православныхъ храмахъ, иногда послѣ предварительного присоединенія къ церкви, большою частію неискренняго, а иногда и безъ присоединенія (³),—вопреки указу св. синода отъ 7 августа 1836 года, которымъ требовалось, чтобы „браки раскольниковъ съ православными лицами совершамы были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ (⁴). Подобные же смѣшанные браки заключались и въ другихъ мѣстахъ (⁵). А нѣкоторые изъ безпоповцевъ, хотя всту-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382—3.

(²) Тамъ же стр. 385—6.

(³) Тамъ же стр. 359—361; снес. стр. 471.

(⁴) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185 и 219; снес. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

(⁵) Истор. мин. вѣнч. дѣл. кн. 8, стр. 554; Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 166—7; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382.

пали въ браки съ лицами, принадлежавшими къ православію, или единовѣрію, но вѣнчались не въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ, а въ своихъ домахъ и часовняхъ, при посредствѣ своихъ наставниковъ, „безъ всякаго чина и порядка“, по выражению одной офиціальной бумаги (¹).

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя безпорядочныя явленія, совершившіяся въ безпоповиційскомъ расколѣ поморскаго толка, такъ или иначе дѣлались известными власти; а когда, съ начала сороковыхъ годовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось, для изученія раскола, разсыпать по губерніямъ своихъ чиновниковъ, — обѣ усиленіи въ поморской безпоповиції брачныхъ союзовъ въ разныхъ формахъ и видахъ правительство стало получать свѣдѣнія болѣе подробныя и обстоятельныя, которая наконецъ уѣдили его, что, такъ называемые, сводные браки раскольниковъ не составляли какой либо особенности губерній Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, а были обыкновеннымъ въ то время явленіемъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существовалъ поморскій расколъ, и что съдовательно, независимо отъ „временныхъ мѣръ“, которыми власть до того времени старалась остановить усиленіе въ безпоповиції незаконныхъ брачныхъ союзовъ и которая состояли въ томъ, что позволеніе — вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ предварительного присоединенія ихъ къ единовѣрію, распространено было и на иѣкоторыя другія губерніи, кроме вышеуказанныхъ, напр., на черниговскую и новочеркас-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 385—6.

скую (¹), — веобходимы еще общія постановленія къ ограниченню зла. Какія же общія правила издало правительство — съ цѣллю пресечь по возможности, такъ называемые, сводные раскольнички браки, усилившіеся въ разматриваемое нами время между поморцами почти всѣхъ губерній? Правилъ этихъ было немного, но за то они были очень суровы.

Въ 1850 году назначена была 9 пародная перепись. Когда, при производствѣ этой переписи, „возникъ со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ губерній вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ, и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ“, — Государь Императоръ, 10 іюня 1850 года, Высочайше повелѣть соизволилъ слѣдующее: „женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлюющихъ священство, показывать таковыми въ ревизскихъ сказкахъ, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, не требуя въ семъ случаѣ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ тѣхъ женщинъ и о законности происхожденія дѣтей ихъ; въ отношеніи раскольниковъ безпоповиція секты, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, прижитыхъ виѣ брака, то тальныхъ дѣтей, на основаніи тѣхъ же полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ, по случаю отверженія ими брака, женами раскольниковъ безпоповиціаской секты *не записывать*, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; Собр. пост. по ч. раск. 1850 г. чи. 2, стр. 383—1.

которымъ онъ принадлежать по рождению⁽¹⁾. Что постановление это имѣло въ виду не только єедосѣвцевъ, отвергавшихъ брачную жизнь, но и поморцевъ, вступавшихъ въ, такъ называемые, сводные браки,—и даже преимущественно послѣднихъ, это видно изъ того, что распоряженіе о непризнаніи женщинъ, сожительствовавшихъ съ єедосѣвцами безъ всякихъ формальныхъ договоровъ, женами и дѣтей ихъ законными было сделано еще въ 1846 и затѣмъ повторено въ 1847 году⁽²⁾. Съ другой стороны, когда, при исполненіи Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года, возникъ въ иѣкоторыхъ губерніяхъ вопросъ, какъ показывать по 9 народной переписи сожительницъ раскольниковъ безпоповиційской секты, „которая по 8 ревизії были показаны въ семействахъ названныхъ мужей своихъ женами ихъ“,—а такъ записаны были по преимуществу жены поморцевъ,—8 декабря того же 1850 года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ „всѣхъ женщинъ, блудно жившихъ съ раскольниками безпоповиційского толка, опредѣлено было вносить въ сказки 9 переписи на точномъ основаніи повелѣнія 10 іюня 1850 года, т. е. не записывая женщинъ сихъ женами сказанныхъ раскольниковъ, вносить ихъ въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онъ принадлежать по рождению⁽³⁾. Предположенію нашему, что Высочайшее повелѣніе 10 іюня 1850 года простидалось и на поморцевъ, по видимому, противорѣчить то обстоятельство, что въ немъ рѣчь идетъ о раскольникахъ безпоповиційской секты, „кои бракъ вовсе отвергали“, между тѣмъ какъ о помор-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537—8.

(2) Тамъ же стр. 461 и 492—3.

(3) Тамъ же стр. 550.

цахъ правительство до 1850 года выражалось, что они „пріемлють бракъ“⁽¹⁾ или по крайней мѣрѣ „не совсѣмъ отвергаютъ“⁽²⁾, и на этомъ основаніи считало ихъ не особенно вредными, какими признавало єедосѣвцевъ, а только просто вредными⁽³⁾; мало этого: въ 1839 году, правительство прямо заявило, что, по его суду, незаконорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женского пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія⁽⁴⁾, между тѣмъ какъ жены поморцевъ сожительствовали своимъ мужьямъ по правиламъ своихъ вѣрованій, такъ какъ вступали съ ними не въ блудъ, а въ бракъ, только безсвященословный—„по обрядамъ своей секты“,—и слѣдовательно считать дѣтей поморцевъ незаконорожденными значило противорѣчить прежде изданнымъ постановленіямъ. Но подобныхъ противорѣчій въ дѣйствіяхъ власти относительно заблуждающихъ въ прошлое время было не мало, и они показываютъ только то, что правительство до самаго послѣдняго времени въ отношеніяхъ своихъ къ раскольникамъ дѣйствовало, по собственному его признанію, не на основаніи какихъ либо точныхъ началь и строго опредѣленной системы⁽⁵⁾, а примѣнительно къ обстоятельствамъ, и поэтому большую частію прибѣгало къ, такъ называемымъ, „временнымъ мѣрамъ“⁽⁶⁾, которыя потомъ и отмѣняло, если видѣло, что онѣ не приносятъ ожидаемой пользы. Такъ поступила власть и въ настоящемъ случаѣ. Признавъ—и справедливо,—

(1) Тамъ же стр. 66 и 410.

(2) Тамъ же стр. 247.

(3) Тамъ же стр. 302—3 и 410.

(4) Тамъ же стр. 343.

(5) Тамъ же стр. 245 и 343.

(6) Тамъ же стр. 502.

что безсвященнословные браки поморцевъ лучше и чище безбрачного разврата юедосѣвцевъ, она даетъ первымъ право вступать въ сожительства „по обряду своей ереси“, запрещаетъ мѣстнымъ властямъ вмѣшиваться въ это дѣло и даже позволяетъ записать женъ и дѣтей поморцевъ въ ревизскія сказки, во время 8 народной переписи, какъ законныхъ. А потомъ когда поморцы, пользуясь этою снисходительностью правительства, стали вступать въ браки по обрядамъ своихъ вѣрованій „съ всею торжественностью, соблюдаемою въ подобныхъ случаихъ православными крестьянами“ ⁽¹⁾, или другими словами: „гласно“, чего правительство не позволяло ⁽²⁾, и притомъ нерѣдко ссылались въ защиту своихъ дѣйствій на слова закона,— власть измѣнила свой взглядъ на безсвященословные брачные союзы поморцевъ и, признавъ въ нихъ „развратъ и беззаконную жизнь“ ⁽³⁾, нашла нужнымъ принять противъ сводныхъ браковъ мѣры—сперва временные и различныя для разныхъ губерній, а за тѣмъ и общія, состоявшія въ томъ, что брачиваціе по своимъ обрядамъ поморцы сравнены были съ отвергавшими бракъ юедосѣвцами. Какъ бы впрочемъ ни было, только съ 1850 года, жены поморцевъ были лишены этого названія, и дѣти ихъ признаны незаконнорожденными. И это распоряженіе власти простидалось не на тѣхъ только поморцевъ, кои вступили въ безсвященословные супружества послѣ того, какъ правительство объявило себя противъ подобныхъ союзовъ, т. е. послѣ 1839 года, но и на тѣхъ, коихъ сводные браки были заключены прежде, когда

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 374.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 161, 378 и др.

(3) Тамъ же стр. 350.

власть позволяла раскольникамъ вѣнчаться по своимъ обрядамъ, и коихъ жены и дѣти, по 8 ревизіи, причислены были къ семействамъ своихъ мужей и отцевъ, какъ законныя. И хотя распоряженіе 10 июня 1850 г. было несогласно съ прежде изданными узаконеніями, тѣмъ не менѣе власть очень настойчиво требовала его исполненія, уполномочивая начальниковъ губерній, въ случаѣ, если бы раскольники вышли изъ повиновенія, „принимать противъ нихъ надлежащія мѣры“ (¹). А это значило, что расчитывать теперь заблуждающимъ на снисходительность мѣстныхъ начальствъ было неудобно. Что же оставалось дѣлать поморцамъ при такихъ обстоятельствахъ? Тѣмъ, которые уже находились въ сводныхъ бракахъ, оставалось одно изъ двухъ: или, скрѣпя сердце, подчиняться правительству и, по его указанію, узаконять свои браки вѣнчаніемъ въ церквяхъ православныхъ и единовѣрческихъ, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 года, „дѣти тѣхъ сектаторовъ, кои повѣнчаются въ св. церкви и дадутъ обязательство воспитывать ихъ въ правилахъ истинной вѣры, признавались законными безъ различія, рождены ли они были до вѣнца, или послѣ“ (²), — или, не вѣнчаясь вновь, — присоединяться вмѣстѣ съ дѣтьми къ православію, или единовѣрію, такъ какъ, 15 мая 1852 года, было Высочайше повелѣно — принять на будущее время за правило, „что ежели раскольникъ безпоповцінскій секты, живущій съ своею единомысленницею безъ брака и прижившій съ нею дѣтей, приметъ православіе, или единовѣріе, и съ нимъ вмѣстѣ присоединяется искоторые изъ дѣтей *его*, хотя бы сожитель-

(¹) Тамъ же стр. 546.

(²) Тамъ же стр. 552.

ствующая съ нимъ женщина и другія дѣти оставались въ расколѣ, или ежели раскольница той же секты, живущая съ раскольникомъ овой безъ брака и прижившая съ нимъ дѣтей, обратится въ православіе, или единовѣріе, и съ нею присоединяется иѣкоторая изъ ея дѣтей, хотя бы сожительствующій съ нею раскольникъ и другія дѣти оставались въ расколѣ, то въ сихъ случаѣхъ дѣтей обратившагося въ св. вѣру раскольника, или раскольницы, которая съ ними присоединяется къ св. церкви, признавать законными⁽¹⁾. Было, впрочемъ, и еще средство дѣтямъ поморцевъ и всѣхъ вообще беспоповцевъ, рожденнымъ въ сводныхъ бракахъ, пріобрѣсть название и права законныхъ дѣтей. Это средство состояло въ обращеніи ихъ къ церкви, помимо воли родителей, или даже „по смерти одного или обоихъ родителей“⁽²⁾, хотя неизвѣстно, могли-ль они въ этомъ случаѣ дѣлаться наследниками имѣнія родительскаго, такъ какъ, по прежнимъ постановленіямъ, дѣти раскольниковъ, присоединившіяся къ православію, могли получить родительское достояніе только съ согласія па это родителей⁽³⁾. Что же касается женъ поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, то обѣихъ не было издано особыхъ постановленій, которыми бы опредѣлялись условія, необходимыя для признанія ихъ законными женами,—такъ, что напр. неизвѣстно, считалась ли законною женой женщина, сводный мужъ которой съ дѣтьми присоединился къ церкви и которая сама оставалась въ расколѣ и продолжала сожительствовать съ своимъ прежнимъ другомъ, или наоборотъ — признавалась ли

(1) Тамъ же стр. 557—8; смес. стр. 574.

(2) Тамъ же стр. 567.

(3) Тамъ же стр. 168—9.

законною женою поморца сожительствовавшая съ нимъ безъ повѣчанія женщина, обратившаяся за тѣмъ въ православіе, или единовѣріе. Впрочемъ, такъ какъ женщины, находившіяся въ безбрачномъ сожитіи съ разскольниками, отъ непризнанія ихъ незаконными теряли немнога, такъ какъ, съ другой стороны, не смотря на приписку ихъ къ семействамъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію, жить имъ позволено было при мужьяхъ⁽¹⁾, то недостатокъ точныхъ и опредѣленныхъ постановлений объ этомъ предметѣ не могъ быть особенно ощутителенъ.

Наконецъ, что касается поморцевъ, которые до Высочайшаго повелѣнія 10 іюля 1850 года, не были женаты и желали бы обзавестись семьей уже послѣ, то имъ, если они не хотѣли подвергаться разнаго рода непріятностямъ и лишать дѣтей своихъ правъ и преимуществъ, какими пользуются законнорожденныя дѣти, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣничаться въ церквяхъ православныхъ, или единовѣрческихъ. На какихъ условіяхъ съ 1850 года, поморцы могли вѣничаться у православныхъ и единовѣрческихъ священниковъ, т. е. послѣ предварительного присоединенія ихъ къ церкви, или безъ присоединенія, — мы не знаемъ. Судя по тому, что тѣмъ изъ нихъ, кои узаконяли свои прежніе сводные браки благословеніемъ церкви, позволено было вѣничаться безъ присоединенія, — иначе не для чего было бы брать отъ нихъ „обязательство воспитывать дѣтей въ правилахъ истинной вѣры“, — что вѣничаться въ церквяхъ единовѣрческихъ, безъ предварительного присоединенія къ церкви, дозволено было поморцамъ свѣтскимъ правитель-

(1) Тамъ же стр. 551.

ствомъ еще въ 1847 (¹), или даже въ 1841 г. (²), что наконецъ нѣкоторые епархиальные начальники уже послѣ 1850 года входили въ св. синодъ съ представлениемъ о томъ, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавать оное не иначе, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или единовѣріи“, и представления эти не были уважены церковною властію (³), можно думать, что и поморцамъ, вступавшимъ въ браки послѣ 1850 г., было дозволено вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ безъ всякихъ ограниченій. Имѣя же въ виду то обстоятельство, что, какъ показали послѣдствія, цѣллю правительства, издавшаго постановленіе о незаконности женъ и дѣтей поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, было не столько то, чтобы этимъ заставить ихъ только вѣнчаться въ православныхъ церквахъ, сколько то, чтобы побудить ихъ совершиенно обратиться къ православію (⁴), что, разрѣшая въ прежнее время вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ безъ присоединенія, правительство свѣтское въ то же самое время требовало—при вѣнчаніи раскольниковъ въ церквахъ православныхъ—брать отъ нихъ обязательство „предъ вѣнчаніемъ—пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (⁵),—можно думать, что неопределенность, съ какою правительство приглашало въ 1850 году поморцевъ и другихъ раскольниковъ къ вѣнчанію въ православныхъ церквахъ, была

(¹) Тамъ же стр. 502.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1860-г. кн. 2, стр. 383—4.

(³) Тамъ же стр. 514.

(⁴) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 595 и 598—9.

(⁵) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

допущена не безъ намѣренія. Какъ бы впрочемъ ни было, только, повторимъ еще, поморцамъ, желавшимъ перемѣнить жизнь дѣственную на брачную, послѣ Высочайшаго повелѣнія 1850 года, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣничаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ. Теперь остается вопросъ: такъ ли было на самомъ дѣлѣ?

Дѣйствительно, по свидѣтельству самихъ раскольниковъ, и притомъ єедосѣвцевъ, — враговъ поморцевъ, зорко слѣдившихъ за своими противниками, — множество поморцевъ въ началѣ 50-хъ годовъ стало вѣничаться у православныхъ и единовѣрческихъ священниковъ, или по крайней мѣрѣ — получать отъ нихъ за деньги фальшивыя свидѣтельства о повѣнчаніи. Мы имѣемъ подъ руками одно раскольническое сочиненіе, принадлежащее перу истаго єедосѣвца и, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя мы увидимъ, написанное имъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, когда дѣти безпоповцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, признаны были незаконнорожденными. Въ этомъ сочиненіи, имѣющемъ заглавіе: „от словіе къ новоженамъ“⁽¹⁾, говорится, что поморцы, или, какъ называетъ ихъ бракоборецъ, „новопротестантской секты послѣдователи“, видя, что безсвященнословные браки ихъ „какъ церковными, такъ и градскими учрежденіями запрещаются“, что дѣти ихъ, „яко зазорныя, вмѣняются въ мірѣ и лишаются законнаго имени, права и родительского наслѣдства“, стали „искать новаго подтвержденія своей жеиньбы, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ“; для этого

(1) Сочиненіе это мы нашли въ сборнике библ. письмъ митр. Григорія подъ № 200.

одни изъ поморцевъ, по фанатическому выражению ее-
досѣвца, „прибѣгаютъ къ веельфегору и съ покор-
нымъ прошеніемъ жертвуя и када, съ приношеніемъ
дара, отъ престола ложнаго агида ищутъ утвержденія,
покупая себѣ гибель и защиту оттуду, и моля, да слу-
жители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу
смерти, и, принявше отъ нихъ письменное свидѣтель-
ство, бывають безошибки“; другіе прямо „укрѣпляли
свои сожитія вѣнчаніемъ обрядомъ, сі есть, еретическимъ
вѣнчаніемъ и благословеніемъ и съ записаніемъ, сколь
бы сіе ни разумѣли душевреднымъ. И симъ образомъ
женяющіяся и посагающіи, съ скорбю замѣчаетъ авторъ
„отсловія“, всюду видими суть мнози въ сіе плачу до-
стойное время“. То же самое подтверждается и офи-
циальными извѣстіями. По донесенію чиновниковъ ми-
нистерства внутреннихъ дѣлъ, разосланыхъ, въ началѣ
50 хъ годовъ, въ разныя губерніи для изученія мѣстна-
го раскола, въ это время большинство поморцевъ вѣни-
чалось въ православныхъ храмахъ, хотя подобное вѣни-
чаніе считало только дѣломъ житейской необходимости
и бракъ церковный признавало за гражданскій актъ,
необходимый для законности правъ дѣтей (¹).

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать,
что, какъ ни велико было число поморцевъ, которые
послѣ Высочайшихъ повелѣній 1850 года стали „давать
своимъ сочетаніямъ видъ брака“ вѣнчаніемъ въ право-
славныхъ и единовѣрческихъ церквяхъ, или только по-
купкою у недостойныхъ причтовъ фальшивыхъ свидѣ-
телей о повѣнчаніи, но было между ними не мало
и такихъ, кои, не смотря на опасность потерпѣть за

(¹) Кельсіев. вып. 4, стр. 13, 29, 60—61; смес. истор. мин. внутр.
дѣл. ви. 8, стр. 529, 629, 642.

„самочинныя женитвы“ кару со стороны „сугубаго начальства виѣшнихъ“, продолжали вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Такъ поступали большею частію поморцы, „удалившіеся, по словамъ автора „отсловія“, въ лѣсные улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывавши“, гдѣ надзоръ за раскольниками не могъ быть особенно бдительный. А если мы обратимъ внимание на то обстоятельство, что, по сознанію самаго правительства, распоряженія его по расколу, „по недостатку полицейскихъ средствъ“, большею частію не исполнялись даже въ 1853 году (¹), то поймемъ, что могли быть и другія мѣста, кромѣ „лѣсныхъ улусовъ и многонародныхъ городовъ“, гдѣ поморцы по прежнему продолжали вступать въ сводные браки, „избѣгая при этомъ казни и паденія и самаго осужденія“ (²). И это было весьма естественно. Непризнаніе раскольническихъ дѣтей, рожденныхъ въ сводныхъ бракахъ, законными было мѣрою тяжелою, строго говоря, только для тѣхъ поморцевъ, кои были богаты и не принадлежали къ податному состоянію, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 года, „дѣти безпоповцевъ, внесенные въ ревизію на основаніи повелѣнія 10 іюля незаконнорожденными, облагались податьми на общемъ со всѣми лицами податныхъ состояній основаніи“ (³). Для поморцевъ—купцовъ, и вообще для поморцевъ, по выражению одного синодскаго указа „зажиточныхъ“, это распоряженіе было грозно, такъ какъ, на основаніи его, дѣти ихъ, кромѣ платы податей, могли попасть въ рекрутъ и даже, въ случаѣ уголовнаго преступленія, под-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 593.

(²) См. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. чн. 2, стр. 519 и 522—3.

(³) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 553.

вергнуться тѣлесному наказанію, а главное—могли не получить „недвижимыхъ имѣній своихъ родителей“ (¹); но для массы сельскихъ жителей, принадлежавшихъ и безъ того къ податному состоянію и несшихъ на своихъ плечахъ всѣ государственные повинности, такая мѣра не составляла тяжелой новости. Неудивительно поэтому, если тогда какъ „почтенные и знаменитыя во градѣхъ“ поморцы, для которыхъ уже одно непризнаніе дѣтей ихъ законными казалось позоромъ и бесчестіемъ, вѣничались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквяхъ, — „люди сельскіе низкаго состоянія“, которымъ отъ Высочайшаго повелѣнія 8 декабря 1850 года терять было нечего, продолжали вступать въ свои бессвященнословные браки и послѣ 1850 года, а нѣкоторые доходили даже до такой смѣлости, что брали себѣ въ сожительство—безъ браковѣничанія—дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православія, или единовѣрія (²). Впрочемъ подобныя явленія были исключениемъ; большинство же поморцевъ и вообще беспоповцевъ, рѣшившихся въ это время жениться на православныхъ дѣвицахъ, „брачились во виѣннѣхъ (т. е. въ православныхъ и единовѣрч.) церквяхъ,—овія дѣйствительно, друзіи же входомъ въ церкви безъ дѣйствія, иніи же словомъ, или письмомъ, кромѣ дѣйствія и входа, единымъ виѣшнимъ гражданскимъ поездомъ“ (³).

Такимъ образомъ, строго говоря, суровое отношение свѣтской власти къ своднымъ бракамъ поморцевъ, начавшееся съ 1850 года, привнесло больше вреда, чѣмъ

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 523.

(²) Тамъ же стр. 514.

(³) Сборн. библ. покойн. интр. Григорія № 112, статья „о половникахъ“, л. 126 об.

пользы. Заставить всѣхъ поморцевъ вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквяхъ правительство, по собственному его признанію, не имѣло силы и средствъ, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались, дѣлали это не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, по-неволѣ, и такимъ образомъ благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили, и изъ которыхъ многіе, грѣша сами, соблазняли на грѣхъ и православные причты, за деньги соглашавшіеся вносить въ число вѣнчанныхъ такихъ поморцевъ, кои только прѣѣзжали къ церкви „единымъ гражданскимъ поѣздомъ“.

Что же дѣлала въ это время власть духовная „для искорененія между раскольниками беззаконныхъ браковъ?“ Независимо отъ постановленій св. синода, изложенныхъ нами выше, которыя направлены были противъ сводныхъ браковъ между поморцами въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, мы находимъ еще слѣдующія распоряженія церковной власти касательно разсматриваемаго нами предмета. Когда въ 1833 году саратовскій преосвящ. Іаковъ донесъ св. синоду, что онъ позволилъ нѣкоторымъ священникамъ своей епархіи—крестить у раскольниковъ, „по призываѣтъ ихъ“, младенцевъ, совершать браки и проч.,—„въ надеждѣ симъ средствомъ смягчить сердца закоренѣлыхъ въ расколѣ и обратить ихъ въ пѣдра православной церкви“,—св. синодъ, одобравъ распоряженіе преосвященнаго о крещеніи православными священниками раскольническихъ дѣтей, касательно другихъ таинствъ, „совершаемыхъ надъ возрастными“, далъ знать преосв. Іакову, что онъ можетъ допускать къ нимъ раскольни-

ковъ не иначе, какъ „только по присоединеніи ихъ къ церкви установленнымъ образомъ“ ⁽¹⁾. Въ 1836 году, по поводу заявленія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, что „недѣльно раскольники, при вѣнчаніи ихъ православными священниками съ лицами православнаго исповѣданія, обязываются только подписками не совращать женъ своихъ въ расколъ и могущихъ быть отъ сихъ браковъ дѣтей воспитывать въ православной вѣрѣ, но сами не присоединяются къ оной“, — св. синодъ указомъ отъ 7 августа подтвердилъ всему духовному вѣдомству, „дабы браки раскольниковъ съ православными лицами совершаены были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ ⁽²⁾. Въ 1837 году позволено было св. синодомъ псковскому преосвящ. Наеванаплу — присоединять къ церкви и вѣнчать съ православными лицами совершенолѣтнихъ раскольническихъ дочерей, „хотя бы не было на то согласія родителей ихъ“ ⁽³⁾. Въ 1838 году св. синодъ разрѣшилъ подольскому преосвящ. Кириллу принять въ монастырь „какъ для прохожденія епитиміи, такъ и для увѣнчанія обратиться къ православію“, — раскольника безпоповской секты, находившагося въ блудномъ сожительствѣ съ раскольницею той же секты и прижившаго съ нею дѣтей; впрочемъ это разрѣшеніе было дано св. синодомъ только потому, что обѣ этомъ настойчиво хлопоталъ „свѣтскій судъ“, которому одному и подчинены были подобнаго рода дѣла ⁽⁴⁾. Когда въ 1839 году преосвящ. архангельскій

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 251—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 218—219.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 315.

(4) Тамъ же стр. 341—3.

Георгій донесъ св. суноду, что многіе изъ православныхъ его епархій, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, вступаютъ въ браки съ раскольниками, и предлагалъ при этомъ нѣкоторыя особенныя мѣры къ ограниченію подобныхъ союзовъ,—св. сунодъ, признавъ мѣры преосвященнаго неудобоисполнимыми, предписалъ ему наблюдать только, чтобы священники „въ отношеніи къ брачующимся съ раскольниками лицамъ свѣтскаго званія исполняли неупустительно тѣ правила, какія предписаны были въ циркулярномъ указѣ св. сунода отъ 7 августа 1836 года“⁽¹⁾. Что же касается до лицъ духовнаго званія, породнившихся до того времени съ раскольниками чрезъ брачные союзы, то, бромъ строгаго надзора за ними, предписано было преосвященному „войти объ нихъ въ особливое секретное разсмотрѣніе о томъ, прината ли сочетавшимися изъ раскола, вмѣстѣ съ бракомъ, православная вѣра, и если вѣтъ, то не происходитъ ли отъ сего вреда св. церкви“⁽²⁾. Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, распространено было св. сунодомъ разрѣшеніе вѣничать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквяхъ, безъ присоединенія, на новочеркасскую епархію⁽³⁾. Что же касается другихъ епархій, то мы не знаемъ, было ли дано имъ то же право; судя же по тѣмъ даннымъ, какія сообщали въ своихъ донесеніяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ чиновники его, изучавшіе расколъ въ разныхъ губерніяхъ въ началѣ 50 хъ годовъ, можно думать, что для большинства епархій общимъ закономъ было—не вѣничать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквяхъ безъ присоединенія⁽³⁾. Въ томъ же 1842 году, согласно Высочайшему

(¹) Тамъ же стр. 359—361.

(²) Тамъ же стр. 383—4.

(³) Кедровъ, вып. 2, стр. 19; вып. 4, стр. 13 и 60—1.

повелѣнію, предписано было св. сънодомъ иркутскому преосвященному, чтобы онъ назначилъ благонадежныхъ священниковъ въ приходы, гдѣ распространялись сводные браки между раскольниками, и принялъ всевозможныя мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ между единовѣрцами⁽¹⁾. Въ 1847 году св. сънодъ далъ знать преосвящ. рязанскому, что „духовенству недолжно входить ни въ какіе розыски о законности женъ и дѣтей“ раскольническихъ, „такъ какъ предметъ сей принадлежитъ непосредственному вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“⁽²⁾. Въ 1849 году преосвящ. архангельскій предлагалъ св. съноду очень энергическія мѣры противъ „брачныхъ сожительствъ“ раскольническихъ, и особенно противъ тѣхъ раскольниковъ, которые вѣничались въ церкви, давъ предварительно присягу пребывать въ православіи, а потомъ снова переходили въ расколъ. Но св. сънодъ призналъ „неудобнымъ“ исполнить желаніе преосвященнаго и рекомендовалъ ему для руководства „существующіе законы“⁽³⁾. Въ 1852 году, когда министерство внутреннихъ дѣлъ представило на разсмотрѣніе въ св. сънодъ мнѣніе черниговскаго секретнаго комитета о томъ, чтобы, „по мѣстнымъ обстоятельствамъ“, раскольникамъ безпоповицкой секты, изъявившимъ желаніе принять *единовѣріе*, позволено было оставлять женщины, съ которыми они находились въ „противозаконныхъ бракахъ“, и вступать въ новые браки съ другими лицами, „по правиламъ св. церкви“, — св. сънодъ несогласился съ такимъ мнѣніемъ комитета и отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ оберъ-прокурора графа Прота-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 386.

(2) Тамъ же стр. 453—5.

(3) Тамъ же стр. 471—475.

сова, что „присоединеніе изъ раскола къ единовѣрію не должно сопровождаться никакими условіями со стороны желающаго вступить въ оное и что духовное начальство въ разсмотрѣніе о расторженіи раскольническихъ браковъ можетъ входить не прежде, какъ по дѣйствительномъ присоединеніи желающихъ того лицъ“⁽¹⁾; хотя раскольникамъ вятской губерніи, присоединявшимся и имѣвшимъ намѣреніе присоединиться къ православію, еще въ 1839 году позволено было св. синодомъ оставлять имѣвшихъ съ ними сожитіе женщины, если онѣ оставались въ расколѣ, и вступать въ новые браки съ лицами православнаго исповѣданія⁽²⁾, и это разрешеніе подтверждено было св. синодомъ и въ 1853 г.⁽³⁾.

Изъ всего сказанного можно видѣть, что, кроме циркуляриаго указа отъ 7 августа 1836 года, разосланнаго по всему духовному вѣдомству, всѣ остальные постановленія св. синода касательно раскольническихъ браковъ посягъ на себѣ характеръ частныхъ распоряженій, имѣвшихъ въ виду то одну, то другую епархію; а послѣ этого неудивительно, если въ прошлое царствованіе духовенство разныхъ губерній дѣйствовало по этому вопросу неодинаково и раскольники тѣхъ епархій, где требовали отъ нихъ предъ вѣнчаніемъ въ православныхъ храмахъ предварительного присоединенія къ церкви, не соглашались на подобное условіе, ссылаясь на другія епархіи, въ которыхъ дѣйствовалъ другой законъ, и попрежнему вступали въ такъ называемые сводные браки⁽⁴⁾.

И. Нильскій.

(Продолженіе будетъ)

(¹) Тамъ же стр. 509—512.

(²) Тамъ же стр. 370.

(³) Тамъ же стр. 532.

(⁴) Кельев. вып. 2, стр. 19—20.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки